

МОРГАН МОНКОМБЛ

ДАВАЙ

любить

ДРУГ ДРУГА

18+

ИНОГДА ЛЮБОВЬ МОЖНО НАЙТИ ТАМ,
ГДЕ МЕНЬШЕ ВСЕГО ЖДЕШЬ

Young Adult. Романтические книги Морган Монкомбл

Морган Монкомбл

Давай любить друг друга

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Монкомбл М.

Давай любить друг друга / М. Монкомбл — «Эксмо»,
2017 — (Young Adult. Романтические книги Морган Монкомбл)

ISBN 978-5-04-166295-0

«Давай любить друг друга» — первая часть романтической дилогии, ставшей настоящей литературной сенсацией во Франции. Книга, за которую Морган Монкомбл получила приз за лучший роман на фестивале «Нового французского романа». С тех пор как Виолетта и Лоан вместе застряли в лифте, они стали лучшими друзьями и многое в их жизни изменилось. Лоан переживает расставание с любимой девушкой. У Виолетты только начинается роман с очаровательным Клеманом, студентом бизнес-школы. Кажется, он — тот самый. Вот только есть одна проблема: Виолетта девственница. Она просит о помощи своего лучшего друга Лоана и предлагает ему переспать. Он в ужасе от этой идеи, но, в конце концов, соглашается. Ведь это всего лишь на один раз. Не так ли? Эмоциональная, смешная и трогательная история, которая понравится поклонникам Моны Кастен, Анны Тодд, Колин Гувер и Джейми Макгвайр. Морган Монкомбл — популярная французская писательница. Автор более двенадцати книг в жанре «Современная романтическая проза». Морган изучала литературу в Сорбонне и пишет книги с двенадцати лет.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-166295-0

© Монкомбл М., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	7
Часть первая	14
1. Наши дни	14
2. Наши дни	21
3. Годом ранее	28
4. Наши дни	33
5. Наши дни	43
6. Восемь месяцев назад	50
7. Наши дни	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Морган Монкомбл
Давай любить друг друга

Моей маме

Пролог Годом ранее Виолетта

Я красотка. Я красотка. Я кра...

– Ай!

Я бросаю утюжок на пол, освобождая обожженную руку, и подпрыгиваю, чтобы он не упал мне на ноги. Ну и дура же! Осторожно поднимаю его, держа обожженный палец во рту. Что я там говорила? А, точно, что я красотка, хотя зеркало мне этого не показывает.

В последний раз провожу утюжком по пряди светлых волос и не забываю сперва его выключить и лишь потом положить. Я только сюда переехала, и, пожалуй, стоит немножко подождать и пока не устраивать пожар. Я пропускаю волосы сквозь пальцы, чтобы придать им более естественный вид, и снова бросаю взгляд в зеркало.

В этот новогодний вечер «красотка» – это не совсем про меня, ну да и ладно. Переживем. Все лучше, чем то, как я выглядела в начале недели, когда жутко болела. Проклятый грипп!

Мажу губы прозрачным блеском, одновременно пытаюсь обуть туфли на каблуках. Я, как и всегда, опаздываю. А ведь, чтобы этого избежать, я специально начала собираться за два часа. Похоже, в моих силах совершить невозможное.

Мои зеленые шорты с пайетками валяются на диване, я хватаю их и надеваю, не зацепив колготки. Первая трудность успешно преодолена! Отряхнув белую рубашку и натянув короткий черный блейзер, я окидываю взглядом квартиру.

– Я ничего не забыла?

Кажется, нет. Запихиваю телефон и ключи в клатч и захлопываю дверь. Вторая трудность – готово! В сумочке вибрирует телефон: это моя новая подруга Зои. Я отвечаю и одновременно нажимаю кнопку лифта.

– Аллю!

– Привет, это я. Все хорошо?

– Все супер, а у тебя?

Лифт был на последнем этаже и теперь медленно спускается. Я проклинаю его. Зои меня убьет: она ненавидит, когда кто-то опаздывает.

– Пожалуйста, не говори мне, что ты задерживаешься.

– Я? Вовсе нет, – вру я, нажимая на кнопку как безумная, будто это заставит лифт ехать быстрее.

– Уверена?

Кажется, она что-то подозревает. Мне даже страшно от того, что двери лифта откроются и внутри я увижу, как Зои показывает на меня пальцем и выносит приговор: «Лгунья!»

– Сказала же! Вы где?

– Рядом с баром «У Клэр».

– Ты меня не видишь? – спрашиваю я притворно-удивленно.

– Э... нет.

Знаю, она не верит мне. Я хоть и не особо сильна в математике, но все просчитала. Если потороплюсь, то смогу добраться минут за пятнадцать. Пешком. К счастью, я додумалась взять перцовый балончик: отец отказывался отпускать меня из департамента Юра́, пока я не куплю дюжину таких. Он никогда не доверял Парижу. Будто все извращенцы страны собрались в этом городе...

– Ты слепая, что ли? Я тебя вижу! Я даже машу тебе! – Лифт издает «динь», я закашливаюсь, скрывая это, и захожу в кабину. – В общем, знаешь что? Не парься, я сейчас приду к тебе.

– Окей.

Я знаю, что Зои меня убьет. Пусть мы и знакомы лишь с сентября, я уже выяснила, что она крайне раскрепощенная девушка и не ходит вокруг да около. В нашу вторую встречу она показала мне свою грудь в туалете ЭСМОД – Высшей школы искусств и технологий моды – и спросила, не кажется ли мне, что она какого-то подозрительного размера. Мне даже пришлось потрогать ее. Дважды.

Я кладу трубку, и двери начинают закрываться, но вдруг чья-то сильная рука останавливает лифт и не дает ему закрыться. Внутри заходит мужчина и, вежливо поздоровавшись, становится передо мной. Лифт едет медленно, и мне неловко из-за наступившей тишины. Может, завязать разговор? Я неплохой собеседник, во всяком случае до тех пор, пока отец не напоминает мне, что не стоит болтать о пингвинах (к этому мы еще вернемся). В конце концов, я ведь совсем недавно сюда переехала, и, наверное, было бы хорошо подружиться с соседями.

Но он стоит ко мне спиной, и потому я молчу. Он явно спешит ну или просто козел.

Неожиданная легкая тряска заставляет меня пошатнуться. Я хватаюсь за правую стенку, а мой сосед медленно разводит руки. Лифт содрогается и вдруг останавливается. Я не двигаюсь: боюсь, что-то задела. Знаю себя – это вполне возможно.

Я стою в оцепенении еще пару секунд, и информация успевает дойти до моего мозга. Мы остановились. Мы остановились! Как только я осознаю серьезность ситуации, мои глаза расширяются, и я нервно сглатываю. Дыши, Виолетта. Дыши! Сейчас не время и не место для панической атаки. Пока я в Париже, их ни разу не случилось, и я не собираюсь к ним возвращаться. Из всех сил пытаюсь контролировать свое дыхание, пока мужчина, ворча, нажимает на кнопку аварийного вызова.

– Что происходит?

В этом вся я – спросить, что происходит, когда ответ очевиден. Но мне нужно его услышать, мне нужно услышать голос – не свой, а чей-то еще. Мне нужно понимать, что я не одна.

«Не паникуй, Виолетта, не паникуй!»

– Мы застряли?

Теперь официально: я паникую. Черт! Я наблюдаю за тем, как он пытается открыть двери руками. Он силится, силится, у него получается – и вдруг он все бросает.

– Мы в пролете между этажами, – бормочет он.

– О боже!

Я прижимаюсь к задней стенке кабины, положив руку на грудь, считаю свои вдохи, но быстро понимаю, что путаюсь в цифрах. В последней надежде я пытаюсь перехватить его взгляд. Мне хочется, чтобы мужчина успокоил меня, чтобы он сказал, что такое происходит постоянно и что обычно все очень быстро приходит в норму. Но он смотрит только в телефон – наверняка ищет решение.

– Не... не говорите мне, что... что мы так и останемся здесь...

– Успокойтесь, я пожарный, – говорит он, даже не поднимая на меня глаз.

– И как это должно меня успокоить? Пожарный вы или нет, но сейчас вы вместе со мной в этом проклятом лифте, поэтому я не понимаю, как эта информация должна помочь мне успокоиться!

Впервые с того момента, как он зашел в лифт, он смотрит на меня. Первое, о чем я думаю? «Бог существует». А иначе кто создал такой синий оттенок – невероятная смесь лазурного и лазуритового. Темно-синий, как летняя беззвездная ночь. Эти глаза... Я полюбила их с первого взгляда.

Они смотрят на меня терпеливо и серьезно. Как будто такая ситуация для него привычна. И все же я вижу в них проблеск скептицизма.

– Я советую вам успокоиться, потому что знаю, что поддаваться панике бессмысленно.

Но мое сердце не перестает колотиться. В горле ком, давят стены. Лифт слишком маленький. Мне жарко, мне чересчур жарко...

– У меня клаустрофобия... – объясняю я.

– Глубоко вдохните и выдохните через нос, раз десять.

Я подчиняюсь, глотаю слезы безысходности. Ненавижу себя в таком состоянии. Подумать только, мне удавалось не плакать! Уж что-что, а оставаться спокойной в этой ситуации – точно не про меня. То, что сейчас происходит, – один из моих худших кошмаров.

– Думайте только о хорошем, это должно сработать. И не паникуйте, все будет хорошо.

– Легко сказать, мистер Успокойтесь-я-пожарный, – бормочу я.

Даже не поморщившись в ответ на мое саркастическое замечание, он подходит к задней стенке кабины, садится, прислонившись к ней, и вытягивает ноги. Я делаю то, что он сказал, и хожу кругами. Не знаю, как ему удастся оставаться спокойным в такой момент. Потом вспоминаю: он же пожарный. Ему известно и худшее.

Мне кажется, что мое сердце сейчас выпрыгнет из груди. Я стараюсь дышать носом, кружась по узкой кабине. Думай только о хорошем, Виолетта! Хо! Ро! Шем! О коте, который шарахается при виде огурца? О бабуле, которая читает рэп? О коллекции осень-зима от Валентино? Видимо, все это недостаточно хорошо. Очевидно, я только еще сильнее нервничаю. И нечаянно наступаю на ногу соседа.

– Ой, извините! – восклицаю я, когда он вскрикивает от боли.

– Ради всего святого, просто сядьте и замрите.

Мне не нравится, как он говорит со мной, пусть он и делает это очень тихо, будто боится кого-то разбудить. Но я ставлю себя на его место: в новогодний вечер он застрял в лифте с какой-то чокнутой клаустрофобкой. Побунтовав пару секунд, я сажусь рядом с ним.

Он закрывает глаза и откидывает назад голову. Я пользуюсь случаем и краем глаза рассматриваю его. И это, как ни странно, меня успокаивает. Он неплох. Даже симпатичный. У этого пожарного волосы цвета кофе, короткие на висках и длиннее наверху, челюсть, которая сжимается и разжимается, как жабры у рыбы, и ослепляющие меня глаза.

Я хмурюсь, замечая странное пятно на его шее. Сначала мне кажется, что это родимое пятно, но потом я понимаю, что оно исчезает под курткой и доходит до самой его челюсти. Кожа там более розовая, более яркая. Раненая. Я перестаю смотреть, потому что это грубо, пусть он меня и не видит.

– Расскажите мне о худшей операции, в которой вы участвовали.

Я не раздумываю – просто говорю, потому что, слушая его, я не смогу думать о том, что нахожусь в настолько замкнутом пространстве, и буду меньше винить себя за то, что кинула Зою и остальных. Мой сосед услышал меня, я знаю это. Однако глаз он не открывает.

– Вы не хотите этого слышать.

– Откуда вы знаете? Я же сама прошу!

Я не свожу взгляда с его лица. Он, кажется, немного старше меня. Иначе и быть не может, он ведь уже пожарный. А мне почти девятнадцать.

– Раз так, то я не хочу рассказывать.

Хорошо. Будь по-твоему...

– Тогда о второй худшей.

Он открывает глаза и устало поворачивает голову в мою сторону.

– Вы никогда не сдаетесь?

– Типа того. Уж точно не с ворчунами вроде вас. Либо так, либо у меня начнется приступ паники. Выбирайте!

Видимо, он прочитал на моем лице мольбу. Я не показываю ему этого, но я боюсь. Боюсь приступа, потому что слишком хорошо знаю, что это такое. Это ад. Я не хочу верить, что

сегодня вечером умру. Сегодня вечером я должна была отлично проводить время, выпить парочку коктейлей и чудесно начать 2015 год.

Он отводит взгляд в сторону и смотрит в точку перед собой. Я жду несколько секунд, и он начинает:

– Это было жилое здание в Париже, немного похожее на это.

Только сейчас, когда мое сердце уже бьется с нормальной скоростью, я замечаю, что у него красивый голос. Грубый, но не слишком – не так, будто он много курит. Скорее, как если бы одна из голосовых связок имела небольшой дефект.

– Когда мы прибыли на место, горело помещение. Внизу, на дороге, уже лежали люди, выпрыгнувшие из окон, – мои коллеги пытались им помочь. Все были в панике. Мы призывали их успокоиться и дождаться нашей помощи.

Мой взгляд прикован к его губам. Мне кажется, что та ситуация разворачивается прямо на моих глазах.

– Те, кто еще оставался в квартирах, кричали, умоляли нас спасти их, – продолжает он далеким голосом, будто затерявшимся в огне. – Некоторые даже говорили, что у них горят ноги.

Я машинально закрываю рот рукой. Он был прав: такое мне слышать совсем не хочется. Но чтобы не признавать свою слабость, я закусываю губу и позволяю ему продолжить рассказ.

– Одно из окон на четвертом этаже еще не охватил огонь. Семья оттуда ждала, когда мы придем за ними. Отец, жена и их дочь лет пятнадцати. Я колебался не больше трех секунд. Взял выдвижную лестницу, прошел во двор и поднялся по фасаду.

– На четвертый этаж?

– Да. Лестница была слишком маленькой, но я решил подниматься этаж за этажом. Когда я добрался до них, отец попросил меня забрать их дочь. Я сразу же понял, что времени осталось немного: огонь уже распространился по комнате. Было так жарко... Я велел девочке обхватить меня за шею, а родителям – спускаться друг за другом сразу после нас. Но лестница была слишком короткой. Я знал, что это займет слишком много времени.

Он сгибает ноги, упирается локтями в раздвинутые колени и не отрывает взгляда от своих ладоней. Кажется, будто он ищет ответ на какой-то вопрос, будто пытается понять, как он мог бы спасти их всех.

– Едва только мы с девочкой добрались до второго этажа, а мать – до третьего, пламя уничтожило четвертый. Отец понял, что не сможет спуститься.

Он замолкает. Я боюсь услышать продолжение. Шепотом я заставляю его закончить:

– Он сгорел?

– Нет. Он выпрыгнул, надеясь упасть на этаж ниже. Вот только упал он на дорогу, на глазах своей семьи.

Я зажмуриваюсь. Меня начинает тошнить. Я восхищаюсь людьми таких жутких профессий. С одной стороны, они, безусловно, спасают жизни. Но с другой – они постоянно сталкиваются со смертью. Я не смогла бы этого вынести.

– Мать и дочь выбрались?

– Да, – вздыхает он устало, потирая шею, – я вовремя спустил их и отвел в полевой госпиталь, а там их подключили к искусственной вентиляции.

– Это ужасно.

– Я предупреждал.

– Почему вы этим занимаетесь?

Он хмурится, не глядя на меня. С самого начала я осознавала, что он избегает зрительного контакта со мной. Но я не понимаю почему. Неужели все это время мое брэнное тело находилось одной ногой в могиле? Тогда это не лучшая новость...

– Я люблю свою работу, мне нравится чувствовать себя полезным.

Что можно на это ответить? Кажется, я представляю, о чем он говорит. Я учусь в школе дизайна, поэтому понять его по-настоящему у меня вряд ли получится. Спасать жизни и шить лифчики – не вполне одно и то же. А вот мой отец, например, сотрудник полиции. Я всегда уважала его выбор, пусть даже это просто ужасно – жить и вечно задаваться вопросом: «А вернусь ли я сегодня домой?» Не знаю, смогла бы я это вынести.

– Что ж, в конечном счете я предпочла бы поговорить о чем-нибудь другом. О маленьких пандах там или о последней реабилитации Линдси Лохан...

Наступает долгая тишина. Ожидаемо стресс снова дает о себе знать. Сейчас, когда мы молчим, кабина вновь начинает казаться слишком маленькой. Никакого окошка, никакого сквозняка, нет даже воды... Господи, а если я захочу в туалет?! Заметка на будущее: всегда носить с собой бутылку.

Удивительно, но тишину нарушает он:

– Ты живешь здесь?

Мое слабое внутреннее «я» замечает, что он тыкает. Почему меня это радует?

– Да.

– Как давно?

– Три месяца. В прошлом году я жила в общежитии, но мне там не нравилось, поэтому на втором курсе я решила снимать квартиру.

– Одна?

– Что это за вопросы такие – в духе серийного маньяка?

Он поворачивается и окидывает меня странным взглядом, эмоцию которого мне не удастся распознать. Когда я нервничаю, говорю, не думая, слишком быстро, лишь бы говорить. Это мой способ выпускать пар, чтобы не переживать в одиночестве. И еще, наверное, для того, чтобы ничего не скрывать и говорить правду. Это все последствия того, что я слишком долго находилась в тишине.

– Ты чертовски странная девушка.

– Спасибо.

Я молчу несколько секунд, а потом отвечаю:

– Да, я живу одна. Ну, с Мистангет. Это моя крольчиха. Она с характером, так что не советовала бы тебе ко мне вламываться.

– Для чего мне это? – спрашивает он ошарашенно.

– Ну, я не знаю, для того чтобы... Что там обычно делают маньяки? Чтобы подсматривать за мной, когда я сладко сплю или принимаю душ.

Мой сосед по лифту смотрит на меня, не зная, как ему реагировать: то ли со страхом, то ли со смехом. Наконец я замечаю, как он – впервые! – чуть улыбается уголком рта. У него красивая улыбка. С чудесными ямочками, которые мне хочется потрогать.

– Ты совсем не фильтруешь, что говоришь?

Я стыдливо краснею. Он не первый, кто мне говорит подобное. Но это не моя вина: таков защитный механизм, который автоматически включается каждый раз, когда я паникую. Когда я говорю, не думаю о том, что происходит на самом деле.

– Только не когда нервничаю. На устном выпускном экзамене я так переволновалась, что в середине своего изложения о «Великом Гэтсби» посчитала уместным сказать, что платья для чарльстона, «пусть и не подчеркивают буфера, на самом деле очень сексуальны». Думаю, это во мне говорил будущий стилист. Тем не менее мне поставили 15 баллов, что очень даже хорошо, учитывая, что я сказала «буфера» и что никому из моих одноклассников не дали больше 14.

Я замолкаю, чтобы перевести дух и еще потому, что осознаю, что снова рассказала о своей жизни. К счастью, он все еще смотрит на меня с легкой улыбкой. Не явной, но различимой.

– Вау! – выдыхает он. – Я слышал о девушках вроде тебя, но уже успел поверить, что это выдумки.

Я не понимаю – что значит «девушки вроде меня»? Чтобы не выставить себя полной дурой еще раз, я решаю не спрашивать, что он имеет в виду. Я упираюсь подбородком в колени и думаю о Зои. Сто процентов она меня уже не ждет, времени-то сейчас сколько. И поэтому я думаю, а не лучше ли будет вернуться домой. По лестнице, разумеется. Мне еще многое нужно разобрать, ненавижу коробки.

– Значит, ты тоже здесь живешь, – говорю я, чтобы сменить тему.

– Да, типа того. В 122-й. Но не советую тебе пытаться подсмотреть за мной в душе.

Я оборачиваюсь и смотрю на него, щекой касаясь коленей. Не ожидала услышать из его уст шутку.

– Может, у меня и нет кролика с миленьким именем Мистангет, зато у меня есть Люси – моя девушка.

Ай! У него есть девушка. Очевидно. О чем я только думала? Я замечаю, что хмурюсь. Надеюсь, он сказал это не для того, чтобы дать мне понять, что я ему неинтересна. Что ж, в любом случае печально. Он симпатичный и хороший человек, но занят. А занятых мужчин я не трогаю. Никогда.

Смущенная, делаю вид, будто не слышала двух последних слов.

– Что ж, тогда в воскресенье зайду к тебе за мукой. Чудесно. Как тебя зовут?

Я протягиваю ему руку под согнутыми коленями. Он без проблем ее пожимает. Как и ожидалось, он разжимает пальцы быстрее, чем я успеваю насладиться этим прикосновением.

– Лоан.

Тут же ощущаю желание повторить его имя, чтобы узнать, как оно прозвучит из моих уст.

– Интересное имя.

Лоан пожимает плечами. Я понимаю, что не первая говорю ему об этом.

– Полагаю, родителям хотелось назвать меня оригинально.

Я улыбаюсь. Наступает тишина, во время которой я раздумываю, сколько Лоанов существует в мире.

– А тебя?

Я уж думала, он никогда не спросит.

– Виолетта.

– Почему Виолетта?

Я морщусь нос и смотрю на него отчасти с усмешкой, отчасти с отвращением. Он сразу опускает глаза, избегая моего взгляда. Чувствую себя горгоной Медузой.

– Потому что меня зачали в саду с фиалками. *No comment*, – добавляю, заметив его приподнятую бровь, – до сих пор пытаюсь стереть эту историю из своей памяти.

Он вновь улыбается уголком рта. Мое сердце столько не выдержит.

– Это забавно, – говорит он негромко, когда его ухмылка исчезает.

– Заниматься любовью в саду с фиалками?

– Нет. Это забавно потому, что именно так от тебя и пахнет.

Он наконец поднимает голову и устремляет на меня свои синие глаза.

– Фиалками.

Мы мгновение смотрим друг на друга, достаточно долго для того, чтобы моя сетчатка начала гореть, как вдруг кабина начинает опасно раскачиваться. Я широко распахиваю глаза – они теперь, наверное, выглядят как два блюдца, – пока мигают лампы. О боже мой, о боже мой, о боже... Я хватаю Лоана за руку. Я думала, он высвободит ее, но удивительно – он сжимает ее в ответ. Мне хочется пошутить, чтобы выровнять биение сердца, но у меня не получается. Мне правда страшно. Свет загорается, лифт перестает раскачиваться и продолжает свой путь.

Ни Лоан, ни я не двигаемся с места.

– Он спускается? – выдыхаю я недоверчиво.

– Кажется, да.

Мой сосед поднимается и помогает подняться мне. Он выпустил мою руку. Но в этот раз мне удалось насладиться теплом его кожи.

«Первый этаж», – объявляет женский лифтовый голос. Едва двери успевают открыться, я устремляюсь на улицу, не останавливаясь, чтобы попрощаться с Лоаном или узнать, куда он теперь, широкими шагами я иду к выходу. Лишь оказавшись на улице, чувствую, что снова могу дышать, что снова живу.

Мои плечи опускаются, я закрываю глаза и запрокидываю голову. Вечерний воздух – зимний, морозный, вкусный! Я позволяю ему кусать меня за щеки, моя грудь поднимается, опускается, поднимается и снова опускается...

– Лучше?

Я оборачиваюсь к Лоану, который до самой шеи застегивает молнию куртки. Он втягивает плечи и прячет руки в карманах. Я отмечаю, что на нем черные джинсы и белая рубашка. Наверное, он тоже идет на вечеринку.

В ответ я лишь киваю.

– Никогда больше не буду использовать этот лифт.

– Странно, что он поехал сам. Я позвоню завтра, чтобы они посмотрели, что случилось.

Я снова киваю. Все еще не знаю, что лучше: вернуться к себе или попытаться встретиться с девочками. Краем глаза замечаю, что пропустила четыре звонка. А что самое худшее? То, что сколько бы раз я ни сказала Зои, что застряла в лифте, она ни за что в это не поверит.

– Что ж, до встречи.

Я улыбаюсь, глядя на то, как розовеют на морозе его щеки.

– Пока.

Он отворачивается первым. Наконец я делаю то же и решительно шагаю, одновременно набирая номер подруги. Я успеваю сделать шагов пять, не больше, как вдруг слышу: «Псс!» Я оборачиваюсь, нахмурившись. Лоан остановился и теперь смотрит на меня.

– Если тебе нужно будет собрать мебель или понадобится помощь с коробками, ты знаешь, где я живу. И если нужна будет мука, тоже заходи.

Я машинально киваю в знак благодарности.

– Спасибо.

Он еще раз улыбается мне. У него доброжелательная улыбка, которая делает его щеки впалыми.

– Счастливого Нового года, Виолетта-аромат-фиалок-лета.

Не дожидаясь моего ответа, он уходит в противоположном направлении, позволяя темноте окутать его, словно он ей и принадлежал. Я безотрывно смотрю во тьму. Странное чувство стягивает мне грудь.

Люси, Люси, Люси, Люси, Люси.

Звучит как симфония. Я сглатываю слюну. У него есть девушка, а я никогда не трогаю занятых мужчин. Это мое правило номер один, и я вовсе не собираюсь его нарушать, каким бы милашкой он ни был. Однако друг мне не помешал бы.

Часть первая

Операция «Спаржа»

1. Наши дни

Виолетта

Идет дождь. Несомненно, я должна была об этом знать. Конечно, ничего страшного, я обожаю дождь. Но когда я выхожу с учебы с папкой для эскизов под мышкой, вот тогда я его не люблю. Вот честно, совсем не люблю.

Я тороплюсь к зданию, в котором живу, его уже видно. Я прикрываю голову руками – и это абсолютно бесполезно. Я уделяю особое внимание тому, чтобы не поскользнуться на мокрой мостовой (это очень в моем стиле), и, добравшись до подъезда, поспешно набираю код. Всю неделю в интернете только и делали, что трубили о том, что пойдет дождь, и всю неделю я носила с собой зонт. Но нет, угадайте, что случилось именно в тот день, когда прогноз обещал хорошую погоду? Именно!

Зайдя в дом, я выжимаю свои светлые спутавшиеся волосы, пристально смотрю на лифт – уже привычно – и поднимаюсь по лестнице через две ступеньки. С того вечера, когда я встретила Лоана, я больше не пользовалась лифтом, по крайней мере, одна. С ним – да, и с Зои тоже, хоть я и нервничаю до смерти, что, кстати, из раза в раз невероятно ее бесит. Как понимаете, чтобы разозлиться, ей многого не нужно.

Кстати о птичках, именно Зои я вижу, когда захожу в квартиру. Она сидит, ссутулившись, в футболке, трусах и толстых шерстяных носках – ее наряд для плохих дней. Что ж, она хотя бы предупредила. Зои невидящим – мне так кажется – взглядом уткнулась в телевизор и даже не вздрагивает, когда я провожу ладонью у нее перед носом.

– Зои.

– Оставь меня, – бурчит она, – я активно превращаюсь в овощ.

Я снимаю туфли, ставлю их у входа и кидаю, хочется верить, незаметный взгляд на упаковки сникерса, разбросанные по столу, словно улики. Зои наконец отрывается от телевизора и смотрит на меня так мрачно, что даже Мистангет испугалась бы.

– Думаешь, я не вижу, что ты меня осуждаешь?

– Никто тебя не осуждает, Зои. Разве что твоя задница. Бедная, только посмотри, что ты с ней делаешь...

– Да пошла ты.

Она хватает розовый плед – мой, кстати, – и кутается в него, снова сосредоточив свое внимание на телевизоре. Я решаю сдать и иду за образцами тканей. Вот уже несколько недель так: едва возвращаюсь – сразу же за работу. Я не только работаю над последним домашним заданием по дизайну, но и занимаюсь личными проектами, которые отнимают у меня много времени. Но я не жалею: это моя страсть. Лучшее ощущение, когда ты создаешь нечто из ничего.

За исключением разве что, пожалуй, учащенного сердцебиения, прикосновения чужой кожи или наслаждения в момент, когда мужчина и женщина занимаются любовью. Но все это мне пока неизвестно, а потому отходит на второй план.

– Зои, – зову я, замечая на столе коробку из-под мюсли, – скажи мне, ты ела сегодня что-нибудь, что не похоже на скорлупу в шоколаде, или нынче ты и с овощами рассорилась?

В ответ я получаю лишь гордо поднятый над ее плечом средний палец. Я выбрасываю пустую коробку и сажусь за большой стол в гостиной. Да, подруга не очень хорошо выглядит, но разве это повод съедать мои сладости?

Сначала я жила в этой квартире одна (ну, конечно, еще Мистангет). Затем, когда Лоана бросила Люси, он переехал ко мне – было глупо продолжать жить отдельно, когда мы только и делали, что ходили туда-сюда между нашими квартирами. Чуть позднее Зои объявила, что ненавидит свою мать, и очень скоро присоединилась к нам, хотя комнат было всего две.

Получилось так, что теперь мы с Зои делим одну комнату (хотя она нечасто появляется), а Лоан занимает вторую. А когда Зои приводит гостей, я прячусь в кровати своего лучшего друга.

Обожаю, когда Зои приводит гостей.

Я спрашиваю, как продвигается ее последнее задание, но, как и ожидалось, она меня игнорирует. И все же я настаиваю:

– Зои, я говорю это ради твоего же блага. Даже я, а я уже начала, сейчас надрываюсь.

– Это потому, что ты новичок, дорогуша, – отвечает она, не сдвинувшись ни на миллиметр.

Я закатываю глаза. Зои постоянно твердит, что будущее моды за ней – об этом я уже прекрасно знаю. Но я не волнуюсь: Зои нацелена на производство кашемировых пальто и сатиновых платьев, в которых ходят по подиуму, в то время как я мечтаю о шелковых пеньюарах в стиле ретро и боди из французского кружева.

– Я тебя предупреждала, – говорю я. Ей не удалось испортить мне настроение.

– Ага, спасибо, мам.

Относительно Зои нужно кое-что знать: она просто очаровательная девочка, но не когда ей плохо.

Когда ей плохо, наступает настоящий ад. Но она такая, какая есть, и я не думаю, что стала бы ее менять, будь у меня такая возможность. В остальное время она лучшая. Лоан никогда не понимал, как две настолько разные девушки могут быть лучшими подругами. И я никогда не знала, что ему на это сказать.

Я включаю свою швейную машинку и продолжаю работу, которую начала неделю назад: ярко-красный расшитый топ из шелка.

– Что-нибудь слышно от Лоана?

Зои задает вопрос, не смотря на меня. Я пользуюсь этим, чтобы тихо и незаметно схватить сникерс, которому удалось пережить массовое истребление. Я отвечаю, немного повысив голос, чтобы приглушить шум раскрываемой упаковки. Зои ненавидит, когда едят ее сладости, которые на самом деле всегда оказываются моими, когда у нее проблемы со здоровьем (я бы сказала, менструальные проблемы, но пусть будет так).

– Нет, как он уехал, я с ним не говорила. Но я знаю, что они вернуться в субботу.

Они с Джейсоном в отпуске. Да, существуют и такие везунчики.

Зои, удивленная, наконец поворачивается ко мне. Я тут же замираю: я только-только поднесла ко рту результат своего преступления, но она, кажется, этого не замечает. Я не двигаюсь, неуверенная, продолжить мне начатое или же медленно положить шоколадку на стол.

– Как так?

– Что «как так»?

– Вы с Лоаном не разговаривали полторы недели? – повторяет она с подозрением.

Раздраженная тем, что она думает, что я не могу без него жить, я шурю и, перестав колебаться, проглатываю шоколадный батончик. Но моя детская месть летит прахом, когда я осознаю, что она не обращает на это внимания.

– Нет.

– И ты еще жива?

– Сейчас, две секунды, – бормочу я, вытаращив глаза, и ощупываю каждую часть своего тела. – Да! Да, я жива!

– Интересно как.

Без лишних слов она отворачивается, скрестив руки на груди. Я заканчиваю пришивать последнюю кружевную ленточку и, сохраняя спокойствие, объясняю ей:

– Нам с Лоаном не обязательно созваниваться: мы и так знаем, что нам не наплевать друг на друга. К тому же он скоро вернется, нет смысла доставать друг друга на расстоянии, когда мы и так видимся каждый день. Он не мой парень.

– Ага, уж слишком вы подозрительные.

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя улыбнуться вопреки растущему во мне раздражению. Зои спрашивает, что я собираюсь делать, и я отвечаю, надевая туфли, что хочу поесть на улице, прикрываясь тем, что в холодильнике нет ничего съестного. Я вижу, что она хочет попросить меня принести ей что-то, но быстро выхожу.

Естественно, уже захлопнув дверь, я понимаю, что снова забыла зонтик. Ну и ладно! Обычно, когда мне нужно проветриться или позаниматься в тишине, я иду в вегетарианский ресторан на углу. Я не вегетарианка и не веганка (не то чтобы я не думаю о Мистангет, когда грызу кроличью ногу, но я слишком люблю мясо, чтобы страдать от осознания, что я преступница) – туда меня как-то привела Зои в период своего хипстерства.

И вот уже какое-то время я постоянно туда хожу. Кстати, забавный факт: недавно я заметила, что один парень уже трижды за эту неделю в одиночестве сидит за столиком со своим компьютером. В первый раз, когда наши взгляды пересеклись, он улыбнулся мне первым. Во второй раз первой улыбнулась я. С тех пор мы перекидываемся улыбками, как мячиком в пинг-понге, и заканчиваться этот матч, кажется, не собирается.

Сегодня как раз моя очередь улыбаться.

Дверь я толкаю, промокшая до нитки. Я не слишком волнуюсь о том, как сейчас выгляжу, и, подавив желание осмотреть зал, чтобы проверить, тут ли он, прохожу к свободному столику, убирая за ухо прядь мокрых волос. Едва я успеваю сесть, как замечаю его пристальный взгляд. И, прежде чем успеваем это осознать, мы одновременно улыбаемся. Я опускаю голову, скрывая смех, и вижу, что он делает то же.

У моего загадочного незнакомца слегка загорелая кожа и светлые, немного растрепанные волосы. Он одет сдержанно, но сексуально: на нем рубашка «Аберкромби», джинсы и войлочные ботинки от «Томс». Плюстик в его пользу: одеваться он умеет. А вот что не слишком хорошо, если так вообще можно сказать, так это то, что у него, кажется, водятся деньги. Я просто надеюсь, что он не окажется самовлюбленным.

Ко мне подходит официантка и, вежливо улыбнувшись, спрашивает, чего бы мне хотелось.

«Чтобы этот молодой человек со мной познакомился!» – кричит мой внутренний голос.

– Мне, пожалуйста, веганскую тикку с сейтаном со вкусом курицы. Холодную.

– Отлично. Тут же вам все принесу.

Я снимаю с шеи платок, даже не заметив, что мистер Войлочные Ботинки встал из-за своего стола. Я замираю, не понимая, что делать. Черт, я даже не думала, что он действительно двинется с места. Я прочищаю горло, дожидаясь, когда он подходит, и лишь затем поднимаю на него взгляд.

– Привет!

– Привет!

Воцаряется тишина: мы смотрим друг на друга, не зная, что сказать. Я неловко морщусь, пытаюсь придумать, как продолжить разговор. Обычно это мой конек. К счастью, он опережает меня и, словно извиняясь, говорит:

– Если честно, не знаю, что сказать, я не подумал об этом заранее... В фильмах все выглядит как-то проще...

Я не могу удержаться и смеюсь.

– Но каждый раз, когда ты приходишь, – продолжает он, – я говорю себе: сегодня я подойду к ней. И каждый раз я, как последний придурок, сдуваюсь. А сегодня... Так что, пожалуйста, давай представим, что я сказал что-то очень умное.

Я приподнимаю бровь. Вне всяких сомнений, он уже мне нравится. Давно я не встречала такого симпатичного парня с мягкой улыбкой, легким юмором и тонким чувством стиля. Видя, что тишина его смущает, я спасаю его *на краю от смерти* и иронично восклицаю:

– Ого, со мной никогда еще так целеустремленно не знакомились!

Он щурится, морщит нос и опускает голову в жесте смирения. Это здорово смешит меня.

Подходит официантка:

– Ваша еда!

– Большое спасибо.

Я решаю прекратить мучения мистера Войлочные Ботинки и протягиваю ему руку. Он удивленно вскидывает голову, и из его прически выбивается одна непокорная прядь.

– Меня зовут Виолетта.

Он хватается меня за руку. У него холодная кожа, но я не отстраняюсь. У него крепкая хватка, решительная.

– А меня Клеман.

– Очень приятно.

– Не хочу мешать тебе есть...

– Ты мне не мешаешь, – заверяю я, отмахиваясь от его предположения, – садись, если хочешь. Но сразу предупреждаю: я много болтаю.

Он забавно кривится, будто сомневается, стоит ли ему в это ввязываться.

– Хм. Насколько много?

– Чересчур много.

Его гримаса медленно сменяется обворожительной улыбкой. Он кивает:

– На данном этапе отказываться было бы грубо.

Он отходит, кладет на свой стол купюру и возвращается с макбуком в одной руке и курткой в другой. Я стараюсь не показывать, что нервничаю, и приступаю к поглощению еды. В присутствии парня, который мне нравится, я всегда немного беспокоюсь или веду себя сдержанно. Первые свидания всегда меня пугают. Но, как только я начну доверять человеку, будьте уверены: я раскрепощусь, хорошо это или плохо.

– Можно задать вопрос?

– Нужно отвечать честно?

Он теряет.

– Ну... Как хочешь. Но ведь когда задают вопрос, в ответ ожидают услышать правду, разве нет?

– Нет. Мы лишь убеждаем себя в этом, но, поверь мне, чаще всего люди предпочитают старую добрую ложь.

Он долго рассматривает меня, не зная, что сказать. И снова я говорю, не подумав. И что ему делать с моей низкосортной философией?

– Вперед, задавай свой вопрос. Я отвечу честно, – добавляю я с улыбкой.

Мистер Войлочные Ботинки медлит две секунды и пристально меня разглядывает.

– Почему ты всегда бываешь здесь одна?

О, понятно! Он оценивает товар. Очевидно, пытается убедиться в том, что я не изгой или что-то вроде этого. Я, не отвлекаясь от еды, отвечаю:

– Это мое пристанище, когда мне нужно побыть наедине с собой. Дома нас трое, там быстро начинаешь задыхаться.

– Многодетная семья, да?

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, почему он так подумал.

– О нет, я единственная дочь! Я жила в Юра́ с отцом, но два года назад переехала в Париж на учебу. Живу я с двумя лучшими друзьями.

Он снова улыбается, и меня ослепляют его идеально ровные белые зубы. Он кладет руки на стол и сцепляет их в замок.

– А, понятно. Три девушки в одной квартире... Фантазировать разрешается? – шутит он с легкой усмешкой.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут же его закрываю. И натянуто улыбаюсь. Не стоит ему говорить, что у Лоана нет ни груди, ни вагины. И что иногда я пользуюсь его зубной щеткой. И что мы часто вместе спим. Не хотелось бы так сразу его пугать: мне известно, что наши с Лоаном отношения были настоящей проблемой для моего бывшего парня Эмильена.

– Разрешается. Но хочу сказать сразу: нет, мы не устраиваем бои подушками в трусах.

Клеман искренне смеется, и это застает меня врасплох. Наконец-то мне стало комфортнее.

– Черт, я ведь уже представил!

– А ты, что ты делаешь здесь? Кажется, ты со своим компьютером всегда в обнимку.

Он вздыхает, заметно, что он устал.

– Учусь, все время учусь, хотя Твиттер тоже всегда открыт...

– Где ты учишься? – пытаюсь вызнать я, продолжая есть.

– Я учусь в бизнес-школе, – признается он, морщась, – но, клянусь, я не зануда.

Я улыбаюсь, слегка напряженная. Если честно, я могла бы и догадаться. Не то чтобы у него на лбу написано «Будущий трейдер», но от Клемана так и веет духом бизнес-школы.

– Сливки общества, – бормочу я себе под нос.

– В том числе. А ты? Постой, дай угадаю... Филология?

– Мимо. Я учусь в школе дизайна.

Я надеюсь, что он не посчитает меня легкомысленной. Обычно именно так реагируют люди, когда впервые слышат, что мы хотим пробиться в мир моды. Почти все реагируют одинаково: «А, понятно. Мода, значит». Что в переводе: «Еще одна девчонка, которая хочет бесплатно посещать показы и распивать шампанское вместо работы». Но это все бред. И доказательство тому – мой диплом с отличием по экономическим и социальным наукам.

– Я должен был догадаться, – улыбается Клеман, оценивающе посмотрев на меня.

Я широко улыбаюсь и краснею до самых ушей. Мне нравится, что с ним легко разговаривать. Я продолжаю есть, пока он на меня смотрит. Кажется, он собирается сказать что-то еще. Его серые глаза прикованы ко мне, и я чувствую смущение.

– Ты можешь делать что-нибудь другое? – шепчу ему я.

– А что?

– Ты наблюдаешь, как я ем.

– И?

– Выглядит подозрительно. Это во-первых. А во-вторых, ты пока меня еще не знаешь, но меня спокойно можно назвать недотепой. Особенно когда на меня давят. И если ты продолжишь вот так на меня смотреть, происходящее очень быстро станет менее гламурным.

Он глядит на меня с неподдельным удивлением, будто не понимая, шучу я или говорю всерьез. Я настаиваю:

– Я серьезно.

– Хорошо.

Я поджимаю губы, видя, что он снова переводит взгляд на свои руки. Мне его очень жаль.

– Прости. Но, пожалуйста, не смотри на меня так пристально. Это жутковато.

Я улыбаюсь ему, показывая, что не хотела портить атмосферу, он улыбается в ответ.

– Нет, все в порядке. Я просто размышлял.

– О том, как выйти из этой гротескной ситуации?

Он тихонько смеется, вновь заглядывая мне в глаза. Какие у него поразительно прозрачного цвета глаза, даже прозрачнее, чем аквамарин. Кажется, будто это текущая вода. И мне остается только гадать, кто он: пруд, тихий и неподвижный, река, приветливая, но непредсказуемая, или цунами, мощное и опасное.

– Нет, о том, как позвать тебя на свидание. Ты немного жутковатая, но симпатичная, – шутит он, подмигивая мне. – Все же это важно.

Я сглатываю слюну. Внешне я спокойна. Внутри же я уже ничего больше не контролирую. Мой мозг нагревается, как турбина, а сердце исполняет ремейк Un, Dos, Tres под звуки маракасов. Если коротко, я крайне рада, что он хочет встретиться со мной еще раз. У меня в запасе куча смешных ответов, но я предпочитаю не использовать их. Обычно мужчинам не нравятся веселые или хоть немного необычные девушки. Думаю, их это пугает.

– Не думай слишком долго: рискуешь передумать.

Он бросает взгляд на свои тикающие часы и говорит:

– К сожалению, мне нужно идти. Вечером мы с друзьями идем на концерт. Но я был бы рад снова с тобой встретиться.

Я чувствую, как от этих слов меня накрывает волна тепла. Хорошо, однако, что я вышла подышать свежим воздухом.

– Буду рада.

Его лицо озаряет победная улыбка.

– Супер!

Клеман достает телефон, и я даю ему свой номер: так все просто и ясно. Наконец он встает, надевает куртку и убирает компьютер в сумку.

– Спасибо, Виолетта, – говорит он, глядя на меня. – Бесспорно, так продуктивно я уже давно не учился.

Я скромно машу рукой, несколько смущенная тем, как пристально он смотрит. Как будто хочет что-то до меня донести. Очевидно, что-то слишком для меня неувловимое.

– Не за что. Обожаю помогать людям. Особенно подышающим со скуки будущим экспорт-менеджерам из золотой молодежи.

Он качает головой, приподняв бровь.

– «Подышающим со скуки»?

– Вот только не говори, что тебе очень весело, я все равно не поверю. В процентах и политике распределения нет ничего возбуждающего. Согласись, в мире куча занятий, от которых можно реально словить оргазм!

Я понимаю, что сказала, только когда вижу блеск в его глазах. Да, Виолетта, вперед, не стесняйся, говори «возбуждающий» и «оргазм» в конце каждого предложения – так он точно тебя поймет.

Я тут же поправляюсь:

– То есть, должно быть, это чертовски скучно...

– Признаю, мне известно многое, от чего можно словить оргазм.

Великолепно. Что ж, я заслужила. Я опускаю взгляд в надежде вдруг превратиться в жидкость или стать деревом, из которого сделан стул, или самим стулом.

Вновь взглянув на Клемана, я замечаю, что он сдерживает смех. Неожиданно, но он больше не похож на того смущающегося парня, который не знал, как ко мне подойти. Теперь он кажется более спокойным и уверенным в себе. Мне это нравится.

– Мне уже не терпится вновь с тобой увидеться, – говорит он наконец.

Я наблюдаю, как он уходит, и с облегчением расслабляю плечи. В какой-то момент он вдруг останавливается, мгновение колеблется и возвращается ко мне. Я вопросительно смотрю на него. Он протягивает мне свой зонт:

– Думаю, он тебе понадобится.

Я машинально беру его, хоть и собираюсь отказаться.

– Я...

– Возьми его. Так ты точно будешь вынуждена снова встретиться.

Я улыбаюсь и охотно уступаю ему.

– Да, ну или я его украду и ты больше никогда его не увидишь.

Он отступает назад и пожимает плечами:

– Если это худший из вариантов, то все не так уж и плохо. Это далеко не самая моя любимая вещь.

* * *

Вернувшись домой, я улыбаюсь от уха до уха. После ухода Клемана я еще ненадолго задержалась в ресторане, чтобы съесть десерт. Не знаю, к чему это все меня приведет, но...

– Ты что, издеваешься надо мной? Я тебе сто раз звонила!

Из состояния задумчивости меня выводят язвительные упреки Зои, сидящей на том же месте. Она прожигает взглядом телефон в моих руках. Я не знаю почему, но у меня ощущение, будто меня поймали на месте преступления, и меня это раздражает.

– Я ела, общалась кое с кем и не обращала внимания на...

– Видела, спасибо. Я хотела, чтобы ты купила мне что-нибудь.

В этот раз я не выдерживаю. Я кладу телефон на журнальный столик в гостиной громче, чем следует, и упираю руки в бедра.

– Так, теперь ты меня уже бесишь, Зои. У нас у всех раз в месяц бывают месячные, но мы продолжаем жить, не мучая всех вокруг и не набирая при этом два лишних килограмма. Так что твой единственный выход – побыстрее свыкнуться!

Я говорю холодно, и Зои чувствует, что чаша моего терпения переполнилась. Господи, как же хорошо! Моя лучшая подруга злобно на меня смотрит, но не отвечает. Она знает, что я милашка, но этим нельзя злоупотреблять. В общем, пока мы молчим, она ведет себя как последняя стерва, и это откровенно раздражает.

В конце концов она недовольно бормочет:

– Но ты съела последний сникерс.

Я закатываю глаза и присаживаюсь на край дивана, чтобы взять ее за руки. Когда Зои болеет, она похожа на меня, когда я выпью... Я смотрю на нее. И тут я замечаю: что-то не так. Кажется, она на пределе. Я тут же предполагаю, что, должно быть, ей звонил брат и просил денег. Снова.

– Тебе стоило бы поблагодарить меня за то, что я его съела, – говорю я мягко. – Твоя задница, например, уже мне благодарна.

Она сморкается в носовой платок, головой прижимаясь к моему животу, и тихо кивает.

– Но не твоя.

Я принимаю этот удар, одновременно искоса поглядывая на свой зад. Этой проблемой я займусь позже.

– Ну а что ты хочешь, в этом и заключается дружба. Приходится идти на жертвы.

Она обнимает меня еще крепче.

И только произнеся эти слова вслух, я понимаю, насколько же я права.

2. Наши дни Виолетта

Клеман: Что делаешь?

Я: Работаю.

Клеман: О, класс! Это платье?

Я: Сделаю вид, что не видела это несколько сексистское высказывание, окей?;) Нет, это не платье.

Клеман: Ай! Я ничего такого не имел в виду. Тогда штаны?

Я: Хорошая попытка. Нет. Женское нижнее белье.

Клеман: Афкдйколкфен?дйк!лмедфц!!!! ХОЧУ это увидеть.

Я смеюсь, читая его сообщение. Вот уже пять дней, как мы почти каждый день вместе обедаем, и мне стоило рассказать ему правду. Он ведь до сих пор считает, что я живу с двумя девушками, и совсем скоро мне придется прояснить ситуацию, потому что он мне нравится. Очень. Он не стал из-за тупого мужского принципа ждать три дня с нашей первой встречи в ресторане, а написал мне через час. Через час! И мне пришлось рассказывать Зои о произошедшем.

Она задала мне уйму вопросов, в том числе и бесполезных, и в конце даже дала парочку советов о том, как флиртовать, хоть я ее и не просила. Короче: суть в том, что за пять дней можно многое узнать о человеке.

Например, я знаю, что он получает степень бакалавра в Высшем институте коммерции в Париже, он тоже живет с друзьями (нидерландцем и немцем), на него очень давит отец, и он обожает спорт: у него даже есть разряд в теннисе. О, и что он очень милый! Это все же самое важное.

Эту субботу я провожу в затворничестве в своей комнате. Пока Зои готовит ужин, я заканчиваю работать над красным шелковым топом, который не так давно начала.

– Черт, – ворчу я, уколовшись об иголку.

Я слизываю капельку крови, выступившую на коже, и раскладываю конечный результат на кровати. Гордясь собой, я улыбаюсь. Все ровно так, как я и представляла. Это настолько дерзко и просто дьявольски сексуально, что я почти хочу оставить его себе.

Со всей осторожностью, на которую я в принципе способна, я вешаю наряд на вешалку в шкафу, рядом с двумя боди, комплектом с подвязками и чулками, пеньюаром и кимоно. Чтобы добиться желаемого, мне еще работать и работать: я хочу попасть на стажировку в бренд нижнего белья «Миллезия». Это моя главная цель, и для ее достижения я тружусь как проклятая.

Зевая, я передеваю в хлопковые шорты и уродливую майку, которые служат мне пижамой. Едва я успеваю завязать волосы в небрежный пучок, как вдруг мой тонкий слух улавливает звук проворачивающегося в замочной скважине ключа. Я замираю и прислушиваюсь: входная дверь хлопает. Лоан!

Я босиком выбегаю из комнаты в коридор. Увидев его, я улыбаюсь во все тридцать два зуба: он стоит в футболке, с мокрыми волосами, огромный рюкзак перекинут через плечо, Джейсон с ним, рядом, жалуется на погоду.

– Я же говорил, что нам стоило остаться там.

Как будто почувствовав мое присутствие, Лоан инстинктивно поднимает голову и поворачивается ко мне. Он успевает лишь еле-еле улыбнуться и сбросить рюкзак на пол, а затем ловит меня, когда я прыгаю на него. Он прижимает меня к себе и зарывается в мои волосы. Лишь сейчас, увидев его снова, я понимаю, насколько же на меня давило его отсутствие.

– Ты прав, тебе стоило бы остаться там, – отвечает Зои Джейсону.

Мы обнимаемся еще несколько секунд. Руками я обвиваю шею Лоана, ногами – талию, как маленькая обезьянка.

– Я скучала, – выдыхаю я.

– И я скучал, Виолетта-аромат-фиалок-лета.

Закрыв глаза, я улыбаюсь ему в шею.

– О, Зои... Я тебя не заметил, – издевается Джейсон, усаживаясь на диван. – Все так же у холодильника, как я могу заметить.

Я закатываю глаза. Начинается! Вам нужно знать: эти двое просто не выносят друг друга. Вообще. Джейсон лучший друг Лоана, они знакомы с лица. И когда Лоан нас друг другу представил, Зои и Джейсон без всякой причины возненавидели друг друга.

– Отпустишь меня? – шепчет Лоан мне на ухо.

Я качаю головой, как маленький ребенок, вдыхая запах его футболки. Он пахнет дождем. Я обожаю запах дождя.

– Ну хорошо.

Но я не ослабляю своей хватки: мне так много нужно ему сказать! Без него моя жизнь действительно хуже. Ладно, Зои права, все это действительно кажется очень подозрительным на первый взгляд. Так, например, я уверена, что мой отец не понял бы нас, если бы увидел, как мы ведем себя друг с другом. Но он принадлежит к другому поколению! Для людей нашего возраста характерны совсем другие отношения мужчины и женщины, более близкие в сравнении с теми, что было раньше. Это наш с Лоаном случай. Мы очень крепко дружим, но это ничего не значит.

Лоан наклоняется, поднимает сумку и вместе со мной направляется в сторону комнаты. Из коридора я слышу гораздо менее агрессивный голос Джейсона:

– Ладно-ладно, было не очень умно с моей стороны говорить так. Прости, пожалуйста! А сейчас положи нож на место... Вот так...

Мой лучший друг легонько толкает ногой дверь комнаты и, зайдя, кидает меня на кровать, как мешок с картошкой. Я разжимаю руки и приземляюсь на мягкое серое одеяло.

– Очень по-джентельменски, спасибо.

Он иронично кланяется, вызывая у меня улыбку. Затем он начинает разбирать сумку. Я сажусь, скрестив ноги, а в дверном проеме вдруг появляется маленький комочек белой шерсти.

– Кто это у нас тут? – восклицает Лоан, протягивая руку.

Мистангет подбегает к нему, шевеля носиком, как она любит делать. Подлизывается! Я закатываю глаза, когда Лоан одной рукой поднимает ее и прижимает к груди, чтобы приласкать. Я наблюдаю за ними одновременно и с нежностью, и с раздражением.

– Ну вот, теперь, когда ты вернулся, она снова начнет от меня убегать.

Так обычно и бывает. У нее все просто, у этой Мистангет. Когда Лоан рядом, меня просто не существует. Но как только он уходит, я снова становлюсь богом.

Он гордо подмигивает мне, не улыбаясь. Нужно понимать, что Лоан очень редко улыбается, а еще он всегда очень тихо разговаривает. Это довольно странная особенность: из-за нее тяжело сразу понять, что он за человек. В начале нашей дружбы это было для меня той еще проблемой, потому что я не понимала, о чем он думает и нравлюсь ли я ему вообще. Но то, что его лицо редко выдает эмоции, это факт. Зато, чтобы узнать, о чем он думает, достаточно заглянуть ему в глаза.

– Все дамы любят мои объятия, ничего не могу с этим поделать.

Я улыбаюсь и наконец спрашиваю, как прошел его отпуск. Он пожимает плечами, продолжая гладить Мистангет.

– Расслабляюще. По крайней мере, когда Джейсон не пытался затащить меня в стриптиз-клубы.

– Было очевидно, что без этого не обойдется.

– Я сопротивлялся изо всех сил, – защищается он.

– Ну разумеется! Ты хотя бы удостоверился, что от него никто не забеременел?

Он смеется – я до сих пор удивляюсь его смеху, хотя прошел уже год. Настолько, что каждый раз это кажется чудом. Чем бы это ни было на самом деле, но мое сердце каждый раз исправно этому радуется.

– Должен признаться, пару раз я оставлял его одного... А ты? Пока меня не было, все было хорошо?

Я закатываю глаза, переворачиваясь на живот.

– Ты имеешь в виду: «А ты? Ничего не сожгла, пока меня не было? Ну хотя бы оба легких еще при тебе?»

Его щека дернулась, предвещая вторую вспышку смеха менее чем за три минуты. Как бы мне повезло! Но, к моему великому сожалению, он сдерживается, являя миру лишь веселую ухмылку.

– Уж прости, но я тебя знаю, Виолетта. Ты моя маленькая диспраксия, – добавляет он, пытаюсь меня задобрить.

Я злобно гляжу на него. Ненавижу, когда он этим дразнится. Да, я немного неловкая, но это не патология. По крайней мере, хочется верить. Стоит как можно быстрее позвонить семейному врачу...

– Я неуклюжая, а не больная! – настаиваю я.

Ведь я же понимаю, какой стороной надевать футболки, умею завязывать шнурки и могу налить себе попить, ничего не разлив.

– Ладно-ладно... Но успокой меня: оба легких еще при тебе?

– Да!

Он отпускает Мистангет и поднимает руки в знак того, что сдается.

– Хорошо-хорошо. Просто уточняю.

Повисает тишина, во время которой он гладит Мистангет своими длинными пальцами. Вот же счастливица. О ней всегда заботятся.

– Быстро за стол, пока я не совершила умышленное убийство! – кричит нам Зои.

Упс, я только сейчас понимаю, что мы слишком надолго оставили Зои и Джейсона наедине. И в этом нет ничего хорошего...

Мы возвращаемся в гостиную, уже готовые застать настоящий Армагеддон. Не знаю как, но каким-то невероятным чудом живой Джейсон стоит у двери и, хоть в это и верится с трудом, все части его тела на своих местах. Зои накрывает на стол. Вкусно пахнет спагетти болоньезе. Чувствую, что снова начинается моя привычная жизнь, и я от этого просто в восторге.

Я замечаю, что Джейсон машет нам рукой. Ему явно неловко.

– Ну, у меня другие планы, так что на ужин я не останусь...

– Все нормально, придурок, – бросает Зои, закатывая глаза, – можешь оставаться, я все равно ухожу.

Джейсон победно улыбается и проходит за стол. Я хмурюсь и поворачиваюсь к лучшей подруге. Я чувствую, что Лоан смотрит на нас.

– Куда ты?

– Встретиться кое с кем, – отвечает она, одаривая меня особенным взглядом, понятным только нам с ней.

Это значит, что домой она может вернуться не одна.

Я незаметно киваю, игнорируя Джейсона: краем глаза я вижу, как он показывает неприличный жест с помощью кулака и рта. Он перестает, когда Лоан бросает на него мрачный взгляд.

– Хорошо, тогда до завтра.

Я скептически наблюдаю, как она надевает пальто. Мне не очень нравится, что она встречается с мужчинами, не говоря, куда именно идет. И это глупо, но пока она не ушла, я запоминаю, что на ней надето. Просто на всякий случай: черное платье с глубоким вырезом, сапоги такого же цвета и белый шарфик. Она выглядит просто восхитительно. Белый и черный выгодно подчеркивают ее розовое каре на ножке. Я замечаю, что она поменяла кольцо в носу. Ей идет.

– Целую! – прощается она со мной и захлопывает дверь.

Я возвращаюсь к столу, парни уже едят. Я накладываю себе спагетти и спрашиваю у них, питались ли они вообще, пока нас не было рядом. Лоан предоставляет право ответа своему другу: у него набит рот.

– Нам было не до того. Верно, дружище?

– Неверно, – отвечает Лоан, отрезая кусок хлеба.

Я смеюсь над Джейсоном, который незаметно жестом советует мне не слушать его. Пусть даже он извращенец, ворчун и немного шовинист, я его обожаю. Несмотря на все это, он совершенно не надоедливый, смешной да еще и умный. Он изучает политологию. Чокнутый, да? Кто мог бы поверить, что этот полудурок способен на глубокие размышления?

Он развлекает нас весь оставшийся ужин: рассказывает мне все забавные, по его мнению, истории из их отпуска на Бали. Когда мы заканчиваем есть, я помогаю своему лучшему другу убрать все в раковину и затем уступаю ему мытье посуды. Он знает, как я это ненавижу. Я спокойно могу готовить, стирать, убирать, но только не мыть посуду.

Я подсаживаюсь на диван к Джейсону и устало вздыхаю.

– На этой неделе у меня завал по учебе, но как насчет отпраздновать в пятницу? Давайте сходим в клуб! – предлагает он.

– Что именно праздновать-то?

– Все что угодно – лишь бы был повод сходить в клуб, так это работает у Джейсона, – говорит с кухни Лоан.

– Вот и вернулся товарищ кайфолом...

– Почему бы и нет, – отвечаю я, – очень хочется потанцевать!

Через плечо бросаю взгляд на Лоана. Он бесстрастно смотрит в ответ. Я безмолвно спрашиваю, хочет ли он пойти в клуб или предпочел бы устроить ночной просмотр «Нетфликса» наедине со мной. Так же молча он дает понять, что не против выйти. До тех пор, пока все под контролем. Как и всегда, это единственное условие Лоана: чтобы все было под контролем.

Я поворачиваюсь к Джейсону, широко улыбаясь:

– Ну что, сколько берут балийские стриптизерши?

* * *

Джейсон ушел ближе к полуночи, в мельчайших деталях пересказав мне последние две недели. Что-то я до сих пор пытаюсь забыть, а что-то, я уверена, будет преследовать меня по ночам до конца моих дней. Как и у Зои, у него совершенно нет комплексов – и в повседневной жизни это довольно проблематично.

Помыв посуду, Лоан сел к нам на диван, положив руки мне на плечи и поглаживая линию роста волос на моем затылке. Но он не слушал. Он не отрывал взгляда от телевизора. Хотя я уверена, что и его он на самом деле не смотрел. Затем, когда его друг ушел, он сбежал к себе в комнату – скорее всего, ушел раскладывать вещи.

Выключив телевизор и свет, я присоединяюсь к нему. Захожу в комнату и вижу, как он убирает стираную одежду в шкаф. Плечом опершись на дверной косяк, я скрещиваю руки. Он не оборачивается, но явно ощущает мое присутствие, поскольку спрашивает:

– Где Зои?

Я хмурюсь. Такого я не ожидала.

– Не знаю.

– Я думал, что ты уже успела понять, что не умеешь врать. Серьезно, Виолетта, на твоём лице написано все, о чем ты думаешь.

Чего? Я смотрю на него, удивленная и растерянная. У него не осуждающий тон: я знаю, что он ни в чем меня не обвиняет. Ему просто интересно. Вот только я правда не знаю, где она. Кроме того, уже прошло четыре часа с тех пор, как она ушла, и она все еще не дала о себе знать. Мне это не нравится.

– Клянусь! Почему ты так думаешь?

Он наконец поворачивается ко мне, и я вижу тень легкой улыбки на его губах.

– Я вас видел. Так же, как и мы с тобой, вы умеете общаться друг с другом, не открывая рта.

Я смеюсь, с облегчением понимая, о чем идет речь, и забираюсь на кровать.

– Ладно, подловил. Но я правда не знаю, где она... Ее тайный взгляд означал лишь, что она может вернуться в хорошей компании.

Он кивает, убирая пустую сумку в нижний ящик комода.

– Мм... Получается, сегодня ты спишь здесь.

Я согласно киваю, озорно улыбаясь.

– Чур я справа.

– Как же ты бесишь, Виолетта.

Пока я ангельски улыбаюсь, он хватая подушку и бросает ее в мою сторону. Я знаю, что он может спать только на правой половине кровати, ближе к окну. Как-то раз я спросила его об этом, и он сказал: «Не знаю... Если что-то случится, окно будет единственным спасением. Это обнадеживает». Спрашивать, что же такого может произойти, что понадобится сбежать через окно, я не захотела.

– Ладно, уступаю.

Он трет лицо и зевает в кулак.

– Прости. У меня глаза слипаются...

– Ты уверен, что все хорошо? Сегодня ты как будто был вообще не с нами.

Он смотрит прямо в мои глаза, где отражается мое за него беспокойство. Он ободряюще улыбается и крепко меня обнимает. Я прижимаюсь к его груди, щекой ощущая его грудные мышцы.

– Не волнуйся! Я просто очень устал, а завтра вечером еще и на работу.

– Супермен снова в строю, – бормочу я.

Взглядом я натываюсь на военный жетон у него на шее. Не отлипая от него, беру кулон в руки. Я смотрю на него так, будто никогда его не видела. Лоан никогда и ни за что его не снимает. Уверена, что и в душе тоже. Это жетон его прадедушки, который погиб на войне в Алжире. Они никогда не встречались, но я знаю, что он очень дорожит этим жетоном.

Вдруг из нашего оцепенения нас выводит какой-то шум. Мы уже знаем, что происходит. Мы с Лоаном как один подбегаем к двери и тихо ее приоткрываем. Я присаживаюсь на корточки, подглядывая, и Лоан делает то же самое рядом.

Зои вернулась. И, как и ожидалось, не одна. Прижатая к стене в коридоре, она запускает руки в волосы незнакомого мужчины. Тот, громко сопя, прижимается к ее губам своими, и Зои на выдохе велит ему быть потише, так как «соседи уже спят». Да-да, само собой, мы уже спим.

Он активно кивает и задирает ее платье до бедер, одной рукой проскальзывая в ее трусики. Другой он грубо мнет ей грудь. Я хмыкаю и шепчу Лоану:

– Он что, думает, что лимонад делает?

Лоан сжимает губы, чтобы не засмеяться. К сожалению, мне не удастся досмотреть этот фильм до конца, поскольку мой лучший друг тянет меня назад и молча закрывает дверь.

– Эй! Я же смотрела!

Он наклоняет голову, взглядом пытаюсь меня пристыдить, но безуспешно.

– Я заметил. Но мы не вуайеристы.

– Говори за себя.

– Это неправильно, нужно уважать ее личную жизнь.

– Сказал первый рванувший к двери!

На этот раз он откровенно улыбается, закатывая глаза. Он знает, что я права. Это уже рефлекс: всякий раз, когда Зои возвращается домой с каким-то непонятным парнем, посмотреть хотя бы одним глазком на ее последний улов.

– Тебе понравилось бы, если бы за тобой подсматривали? – атакует он в ответ, откидывая покрывало.

Я выразительно поднимаю бровь, чтобы рассмешить его.

– Ну, может, и да. Что-то не устраивает?

Он мрачно смотрит на меня, но я гордо это игнорирую и кутаюсь в одеяло. Он снимает джинсы, кидая их на пол, и присоединяется ко мне. От тепла его тела поднимается и температура под одеялом. У Лоана всегда горячая кожа, прямо как у моего отца. И совсем не как у меня: у меня постоянно холодные руки, и из-за этого меня все от себя отгоняют.

– Делай что хочешь.

Дверь в другую комнату захлопывается прежде, чем он успевает закончить свое предложение. Лоан выключает свет и вздыхает, роняя голову на подушку. Мне не хочется даже думать о том, что происходит в комнате напротив, но все же это не дает мне покоя. В полумраке я шепчу:

– Надеюсь, они не занимаются сексом на моей кровати.

Лоан не отвечает: наверное, задумался. Если, конечно, и вовсе не заснул. Я повторяю себе, что не должна думать о Зои и мистере Мну-грудь-как-лимоны, но, к сожалению, чем больше чем я себя заставляю, тем меньше это реально работает.

Я резко сажусь, как пружина, и кривлюсь в отвращении.

– О боже, а что, если они занимаются сексом на моей кровати!

Меня тошнит. Я закрываю глаза, будто так этот образ исчезнет из моего сознания. Черт возьми, теперь еще хуже, чем раньше!

– С чего бы им заниматься сексом на твоей кровати, когда у Зои есть своя? – пытается приободрить меня Лоан, не открывая глаз.

– Откуда ж я знаю! Не все действия этой дамочки подчиняются логике!

Я слышу, как он сдавленно посмеивается. Он дергает меня за мой конский хвостик, призывая лечь рядом.

– Закрой рот и иди сюда.

Я ложусь на бок, и он обхватывает меня своими горячими руками. Я прижимаюсь спиной к его торсу и сжимаю его ладонь. Я чувствую его дыхание на своей шее. Наши пальцы сплетены, ноги обвивают друг друга. В последнее время Лоан отчасти как якорь для меня. Рядом с ним всегда хорошо. Безопасно. Он действительно имеет надо мной эту власть – с самой первой встречи в лифте.

Мы разговариваем абсолютно обо всем – по крайней мере, нам нравится так думать. У меня, впрочем, есть кое-что, в чем я еще не готова ему признаться. Это касается моей семьи и моих панических атак. Не потому, что я ему не доверяю, но потому, что я не вижу смысла ворошить прошлое. И я знаю, что он это понимает, потому что уверена, что и он мне говорит не все. Например, я ничего не знаю о его семье. Иногда мне кажется, что только я близка ему да еще Джейсон. И так как я эгоистка, большую часть времени меня это устраивает. Но иногда, когда я задумываюсь об этом, это меня просто убивает.

– Сегодня я закончила шестой образец, – шепчу ему я перед сном, – скоро пойду выпрашивать собеседование в «Миллезию».

Вместо того чтобы рассказать о своей встрече с Клеманом, я решила поделиться с ним этим. Все равно мы с Лоаном никогда не обсуждаем наши любовные похождения или секс. Это наше соглашение, которое нет смысла проговаривать вслух. Мы просто знаем о нем, вот и все.

– Уверен, ты всех порвешь, – бормочет он сонно.

Я мягко улыбаюсь в темноте, вновь полная сил. И вспоминаю его реакцию, когда впервые рассказала ему, что шью нижнее белье. Незабываемый вечер...

3. Годом ранее

Лоан

Я сижу на диване, вымотанный после длинного дня, проведенного в части. Я наблюдаю за Люси, которая что-то мне говорит, надевая свое пальто, но ничего не слышу. Позавчера она ходила к парикмахеру, и ей очень идет стрижка. Ее черные как смоль волосы идеально подчеркивают ее зеленые глаза. Она такая красивая...

Она резко останавливается, глядя на меня. Скрещивает руки и пытается не улыбаться.

– Ты ведь не слушал, что я только что говорила, не так ли?

Я на автомате улыбаюсь, делая извиняющееся выражение лица.

– Тебе правда нужно туда идти? – спрашиваю я, притягивая ее к себе. – Могла бы сказать, что заболела.

Она бросает на меня сердитый взгляд, но не противится. Я нежно целую ее, пытаюсь убедить ее тем, что в моих силах. Она сплетает свой язык с моим, положив ладонь на мою щеку. Я так давно знаю эти губы, что их вкус знаком мне лучше, чем что-либо еще в мире...

– Правда нужно, Лоан. Я на ночном дежурстве, я не могу иначе.

Я вздыхаю, откидывая голову на спинку дивана. То я при исполнении в части, то она на дежурстве в больнице. Люси – новенькая медсестра. Джейсон называет нас парочкой добрых самаритян.

– Кстати, почему у нас три пачки муки?

Черт! Я вскидываю голову так резко, будто в чем-то провинился. Тут же беру себя в руки, раздраженный своей реакцией. В конце концов, мне ведь не за что извиняться. Я просто хочу, чтобы дома была мука – на случай, если она придет ее одолжить.

– Я купил ее на прошлой неделе.

Она слушает меня одним ухом, сконцентрировавшись на чем-то в телефоне. В конце концов она поднимает глаза и улыбается мне.

– Так, я пошла. До завтра.

– До завтра. Люблю тебя.

– И я тебя.

Едва она касается дверной ручки, как кто-то звонит в дверь. Она смотрит на меня, я смотрю на нее. Это точно не Джейсон – они с Люси терпеть друг друга не могут: она упрекает его в том, что он извращенец, а он считает ее чересчур правильной.

Моя девушка открывает дверь, и первое, что я вижу, – янтарного цвета глаза в светлую крапинку, и тут же их узнаю. Я встаю, чтобы присоединиться к девушкам, гостья густо краснеет.

– Добрый вечер!

– Добрый вечер, – отвечает Люси, – могу я вам чем-то помочь?

Виолетта просит прощения за беспокойство, и поэтому я решаю влезть в разговор:

– Люси, знакомься, это Виолетта – наша новая соседка. Виолетта, это Люси, моя девушка.

Они пожимают друг другу руки. Люси, как обычно, вежливо улыбается. Просто она всегда ко всем добра. К сожалению, даже к тем, кто этого не заслуживает. Мы постоянно спорим по этому поводу.

– Так, – повторяет она, – мне нужно на работу.

Она желает нам хорошего вечера и подмигивает мне, перед тем как зайти в лифт. Я смотрю на Виолетту в толстом бежевом свитере с чересчур длинными рукавами и огромным воротом. Он ей идет, но я не могу не вспомнить ее зеленые шорты с пайетками. *Это глупо, мужик.*

– Я не решалась позвонить в дверь...

Я хмурюсь, наблюдая, как она теревит края своих рукавов. Еще сильнее, чем эти удивительные радужки, меня завораживают ее веснушки. Они покрывают лишь одну половину ее лица вплоть до кончика тонкого носа, как будто Бог остановился и усыпал его ими. Это странно, но мне нравится.

В точности отражает то, какая она. Необычная.

– В общем, завтра ко мне приезжает отец, и я хотела испечь ему ананасовый пирог – его любимый.

Я незаметно улыбаюсь и тут же прячу эту улыбку. Я сразу же понимаю, что ей нужно. И мне хочется улыбаться еще и потому, что я знаю, что у меня есть то, что ей надо. Часть меня где-то глубоко-глубоко внутри радуется тому, что я сходил в магазин.

Она смотрит на меня своими большими глазами.

– Мне бы не помешала мука. Если, конечно, ты можешь мне с этим подсобить.

– Подожди немного, думаю, мука найдется.

Какой же придурок, а? «Думаю, мука найдется» – ненавижу себя за то, что сказал нечто подобное. Я захожу на кухню и открываю ящик, чтобы достать оттуда одну из упаковок.

– Держи.

– О, отлично! – восклицает она, забирая муку. Ее гранатового цвета губы растягиваются в широкой улыбке. – Спасибо, Лоан.

Я натянуто ей улыбаюсь. Она не похожа на ту девушку, которую я встретил тем вечером в лифте. Она спокойнее и меньше говорит. Странно, но я немного разочарован.

Но вдруг, словно прочтя мои мысли, она вновь становится Виолеттой с первой встречи и начинает болтать обо всем подряд. Я слушаю ее с улыбкой на губах, спрятав руки в карманы. Она перестает говорить лишь через добрых три минуты, произнеся свои последние слова. И мне даже как будто хочется их поймать, чтобы только она не останавливалась.

Она закатывает глаза.

– Я снова это сделала, да?

– Что именно?

– Рассказала о своей жизни.

– Хочешь, чтобы я был честен?

– Давай уж.

– Да.

Я нахожу это чертовски забавным. Она прикусывает губу и морщит нос, как ребенок.

– Прости. Непросто каждый день быть странной.

Несколько секунд я размышляю и тут же решаюсь.

– Знаешь, мне сегодня нечем заняться, поэтому, пока ты будешь печь пирог, я готов помочь тебе разобрать коробки. Решение за тобой.

Она удивленно распахивает глаза. В глубине души я надеюсь, что она согласится. Небольшая компания мне не помешает.

– Почему бы и нет! Мне пригодятся сильные мужские руки.

Чудесно. Я беру ключи и выхожу на лестничную площадку, закрывая за собой дверь. Виолетта прижимает к груди пакет с мукой. Мы долго стоим в тишине, и в конце концов я подраживаю ее:

– Ты собираешься вести меня к себе или у нас запланирована пижамная вечеринка в коридоре?

* * *

Едва войдя в квартиру Виолетты, я оказываюсь в гостиной, отделенной от кухни одной лишь стойкой. В центре кухни красуется корзинка с фруктами. Холодильник увешан фотогра-

фиями и всевозможными списками. Я улыбаюсь: меня веселит тот факт, что она ничего не может запомнить самостоятельно. И почему меня это не удивляет?

– Добро пожаловать в мой дом.

Одна стена покрашена в черный, все остальные – белые. Еще я замечаю кучу разбросанной одежды: на диване цвета слоновой кости валяется платье, на журнальном столике – одинокий ботинок, а на пушистом коврике – скомканные штаны.

Виолетта наблюдает за тем, как я осматриваю комнату.

– Я не ожидала, что у меня будут гости, – оправдывается она.

Мы с ней, конечно, очень разные... Я человек довольно аккуратный. Не повернутый на чистоте, но, скажем так, люблю, чтобы все было на своих местах. Еще в детстве мне пришлось научиться держать под контролем все аспекты своей жизни, не оставляя места малейшей неожиданности. В то время как Виолетта... Ну, полагаю, она олицетворение самой непредсказуемости.

Девушка скрывается в коридоре, убирая то, что валяется, и, пользуясь этим, я подхожу к ее холодильнику. Я узнаю ее на большинстве фотографий, хоть она там и моложе. Она позирует с незнакомцами, в основном с девушками. На других фото с ней мужчина средних лет, вероятно, ее отец. Не могу не заметить, что они похожи.

Только вот глаза у ее отца черные. Интересно, такая невероятная радужка у нее от матери или это ее личная особенность? Увы, я пока не могу ответить на этот вопрос, поскольку не вижу ни одной фотографии с ее матерью. На всех снимках она чертовски заразительно улыбается. Это тот тип улыбки, который освещает всю комнату и заставляет забыть о всех невзгодах.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спрашивает она, возвращаясь.

– Нет, спасибо, все хорошо.

Она пожимает плечами и наливает себе стакан апельсинового сока. Я замечаю, что она разулась и ходит босиком.

– Люси кажется очень милой.

Я смотрю на нее, и мой взгляд смягчается – как и всегда, когда я слышу это имя. Люси не просто милая – она потрясающая.

– Так и есть.

– Вы давно вместе?

– Почти пять лет. Мы познакомились на первом году обучения в старшей школе.

Виолетта присвистывает, думаю, она впечатлена. Срок и правда не хухры-мухры. Сейчас я и представить не могу своей жизни без Люси. Она и есть моя жизнь.

– Вау... Значит, скоро дети и загородный домик? – шутит она.

Я напряженно улыбаюсь.

– Люси ненавидит загород, а я не хочу детей, поэтому нет.

Она кажется несколько разочарованной, пусть даже и пытается это скрыть.

– Ты не любишь детей?

– Нет, напротив... В общем, у меня есть на то причины. Эти коробки? – меняю я тему, пальцем указывая на сложенные друг на друга коробки около телевизора.

– Да.

Я подхожу к ним, но едва я открываю первую коробку, как чувствую, будто что-то пронеслось у меня между ног. Я опускаю взгляд и вижу комок белой шерсти. Первый порыв – попятиться, и я едва не наступаю на него. На помощь приходит Виолетта и поднимает животное на руки. Я выгибаю бровь.

– Кажется, я уже говорила тебе о Мистангет.

– А, та самая, – киваю я и рассматриваю ее ближе.

За исключением маленького розового носа и бледно-голубых глаз, она вся белая. Я тяну руку, чтобы погладить ее, но она вертится, пытаясь выбраться из объятий Виолетты. Надеюсь

задобрить ее, я подношу к ней палец, но она кусает меня. Я отдергиваю руку, кривя лицо, и, забавляясь, вытираю ее о джинсы.

– Кажется мне, что лучшими друзьями нам с ней не стать.

– Еще бы! Она за версту чувствует убийцу.

Я улыбаюсь, закатываю глаза и возвращаюсь к делу. Пока я открываю коробки, Виолетта активничает на кухне. Параллельно мы общаемся. Я объясняю ей, что Люси часто работает по ночам, а я остаюсь дома и смотрю сериалы. Оказывается, нам обоим нравится «Игра престолов» и «Чужестранка», и, естественно, мне становится интересно, есть ли у нее кто-нибудь.

Где-то через час я осмеливаюсь спросить:

– У тебя есть парень?

Она машинально морщит лоб, по-прежнему не глядя на меня. Ладно, возможно, я чутка перестарался с откровенностью.

– Зачем нужен парень, когда есть Мистангет?

– Хороший вопрос. Может, для того, чтобы обниматься под одеялом?

– Мы с Мистангет тоже обнимаемся под одеялом! – возмущается она.

– Но вы обнимаетесь в другом смысле. Надеюсь, по крайней мере, – шучу я.

Она замирает, и я начинаю опасаться, что зашел слишком далеко.

– Не волнуйся за меня, Лоан. В этом плане у меня все в порядке, – говорит она твердо, давая понять, что на этом тема закрыта.

Хорошо. В растерянности я замолкаю и начинаю собирать книжный шкаф из ИКЕА. Она быстро находит новую тему для разговора, и это полностью меня устраивает.

Удивительно, но с ней легко общаться. Виолетта из тех людей, кому достаточно одного взгляда, чтобы заключить вас в свои объятия и больше никогда из них не выпускать. Эти люди опасны – произвольно, но они удерживают вас в своей власти. И, увы, вам это даже нравится.

Я расспрашиваю ее о дизайне, и, ставя пирог в духовку, она признается, что мечтает построить карьеру в сфере нижнего женского белья. Стоп, что? Я правильно услышал? Учитывая эмоции, которые я сейчас испытываю, видимо, да.

– Правда?

– Правда. Почему тебя это удивляет?

– Не знаю.

Она окидывает меня загадочным взглядом, и я улыбаюсь. Я обожаю женское белье и потому нахожу это сексуальным. Я думаю о Люси и о том, что на ней надето под формой медсестры. Надеюсь, когда она вернется, я еще не буду спать...

Настенные часы показывают двенадцать часов десять минут. Я почти закончил собирать мебель. Мне жарко от физической нагрузки и включенного на полную катушку отопления. Не осознавая этого, я тянусь руками к вороту футболки, чтобы снять ее. Едва я понимаю, что делаю, я тут же замираю. Ни за что не стану снимать футболку. Уж лучше сдохну от жары, чем сделаю это.

– Почему ты это делаешь? – отвлекает меня она.

Я оборачиваюсь, не понимая, о чем она.

– Почему я делаю что?

– Помогаешь мне.

Я пожимаю плечами. Мне кажется, причина очевидна. В конце концов, помогать людям – это моя работа.

– Потому что мне нравится протягивать руку помощи.

Я поворачиваюсь к ней спиной, сосредоточенно вкручивая последние винтики.

– И все же, – продолжает Виолетта, – пока я не заставила тебя говорить, там, в лифте, казалось, что ты меня остерегаешься. Я подумала и пришла к выводу, что есть только два возможных объяснения этой твоей неожиданной доброты.

Я качаю головой, одновременно закрепляя второй винт. Мне хочется засмеяться себе под нос. Она говорит: подумала и пришла к выводу. Ясное дело, теперь мне интересно.

– Слушаю тебя.

– Ты либо мазохист, либо безумец, который по какой-то причине, берущей свое начало в печальном прошлом, как магнитом притягивает к себе сумасшедших вроде меня.

Я медленно киваю, делая вид, что рассматриваю вопрос со всех сторон. Вообще, если бы мне пришлось выбирать между этими двумя вариантами, я, наверное, склонился к первому. Хотя я и не думаю, что находиться в ее компании – это пытка.

Виолетта за моей спиной начинает терять терпение.

– Ну как? Мазохизм или печальное прошлое?

– У меня тоже есть версия, – говорю я, наконец выпрямляясь. – Ты смотришь слишком много сериалов.

Она озорно и широко улыбается.

– Ну же, просто ответь на вопрос.

Я закатываю глаза. Боже мой, она от меня не отстанет.

– Какой же это идиотский вопрос.

– Ничего себе, какой ты остроумный! – издевается она. – Завидую.

Эта

девчонка

просто

чокнутая.

– Хорошо, – выдыхаю я, – я вел себя сдержанно во время нашей первой встречи в лифте, потому что я всегда такой с незнакомыми мне людьми. Мне не так-то легко кому-то открыться.

Она медленно рассматривает меня, явно озадаченная. Яжимаю плечами, бросая отвертку на диван. Моих друзей действительно можно пересчитать по пальцам одной руки, но я на сто процентов в них уверен.

– Когда ты стала паниковать и вообще без передышки рассказывать мне о своей жизни, я подумал: «Откуда эта девушка?» Потом: «Хочу узнать о ней больше». Знаю, это глупо, и, возможно, я только подтверждаю твои подозрения о том, что я маньяк, но тогда я понял, что мы могли бы поладить.

Задним числом я понимаю, что мои слова звучат нелепо. Мне неловко из-за того, что я только что сказал: она наверняка подумает, что я какой-то старик. Но в глубине души я уверен, что она понимает, что я имею в виду. Она понимает, что это была платоническая любовь с первого взгляда.

– И что же тебя убедило? Признайся, моя история про экзамен.

Я искренне смеюсь и облегченно провожу рукой по волосам.

– Типа того. Но я сказал бы, что это были твоя откровенность, неловкость и цветочный аромат, вместе взятые. И, разумеется, куда ж без твоих зеленых шорт с пайетками.

Ее улыбка становится все шире и шире, и мне интересно, куда она, растянувшаяся уже на половину ее лица, расплзется. Она убирает за ухо прядь волос и скрещивает руки, щурясь и ухмыляясь.

– Лоан Милле... Мне кажется, или ты признаешься мне в любви?

Я снова смеюсь и, прижав к груди руку, говорю:

– Сожалею, но мое сердце уже занято.

4. Наши дни Виолетта

Вот и вечер пятницы.

Неделя пролетела просто с нереальной скоростью! Все просто: я не видела, как она проходит. Я вообще мало чего видела, и в это число не вошли ни Лоан, ни Клеман. Первый после своего возвращения был очень занят в части, а второй всю неделю сдавал устные экзамены. В общем, на пять дней я застряла наедине с Зои.

Повторяю. *Пять. Дней.*

К счастью, наступили выходные. Как мы и договаривались, сегодня вечером мы идем в клуб. Я толкаю дверь ЭСМОД и смотрю на свои часы, кутаясь в шарф. Сейчас половина девятого. Если потороплюсь, то даже успею вовремя со всеми встретиться... Я закатываю глаза от своих мыслей. Кого я обманываю? Все мы знаем, что всякий раз, когда Виолетта говорит: «Если я потороплюсь», – в конце концов она обязательно опаздывает.

Я пишу Лоану сообщение и спрашиваю, где он. Ответ не заставляет себя долго ждать: «В пути. Иду за тобой».

– Виолетта?

Я подпрыгиваю, будто меня застали на месте преступления, и оборачиваюсь. И тут же успокаиваюсь, видя эти серые глаза. Улыбаясь, я подхожу к Клеману, приятно удивленная встречей и тем, что он ждал меня.

– Добрый вечер, прекрасный незнакомец. Что вы тут делаете?

Он улыбается мне в ответ, пряча руки в пальто.

– Пришел украсть тебя, конечно же. На повестке дня: мороженое хааген-даз на Елисейских и поездка на колесе обозрения. Чтобы ты могла прильнуть ко мне, а я – до неприличия этим насладиться.

Мы на одной высоте. Он выше меня лишь на пару сантиметров, но я все равно всегда смущаюсь рядом с ним. Клеман кажется настолько идеальным, что рядом с ним мне с моими диспраксией и вечной болтовней страшно ошибиться. Вот черт, я повторяю за Лоаном его глупые словечки! Так или иначе, я до сих пор немного сдерживаюсь при Клемане: не хочу, чтобы он сразу испугался.

– С удовольствием бы прильнула к тебе, но... сегодня я встречаюсь с друзьями.

Он хмурится и прячет замерзшие руки в карманах моей куртки. Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Я уже говорила, как сильно он мне нравится?

– Понимаю, но обычно похититель не интересуется мнением своей жертвы...

Я весело заглядываю ему прямо в глаза. Пусть мы не так часто виделись, но мы постоянно болтали по телефону, когда у него было на это время. Иногда мне кажется, что мы вместе уже целую вечность, хотя технически мы еще не встречаемся, потому что до сих пор не поцеловались. Интересно, чего он ждет...

– И правда. Надеюсь, у тебя достаточно большой багажник.

– Обожаю тебя, Виолетта, – говорит он. Это признание, которое он явно не собирался сейчас делать.

Я изумленно смотрю на него. Его глаза не врут, я чувствую – я знаю. Он не такой, как Эмильен. Я ему нравлюсь. И, боже, это взаимно.

– Что ж, тогда укради меня в понедельник вечером. Я притворюсь удивленной.

– В понедельник вечером... Чудесно.

Я улыбаюсь ему. Сердце бьется чуть быстрее обычного. Его руки в моих карманах, и он так близко ко мне, что я чувствую его дыхание на своих губах, совсем рядом. На мгновение он опускает взгляд на мои губы, и мне кажется, что сейчас он сделает это.

Мои внутренние болельщики подбадривают его кричат: «Дай мне П, дай мне О, дай мне Ц, дай мне Е, дай мне Л, дай мне У, дай мне Й! Дай мне ПОЦЕЛУЙ!» Когда я осторожно придвигаюсь к нему, я замечаю, что он отводит взгляд и смотрит через мое плечо. Пару секунд я жду. Но он продолжает куда-то смотреть, и я хмурюсь:

– Что такое?

Кивком головы он указывает на что-то позади меня:

– На нас пялится какой-то парень.

Я с любопытством оборачиваюсь. И когда я вижу наблюдающего за нами Лоана, вышедшего из машины, мое сердце пропускает удар. Это тупо, но мое тело рефлекторно немного отодвигается от Клемана. Там стоит мой лучший друг, внешне непоколебимый, но тоже удивленный.

– О, это Лоан, – успокаиваю я Клемана, жестом говоря другу, что я уже иду.

Клеман поднимает бровь. Смущаясь, я прочищаю горло и делаю шаг назад, достаточно большой, чтобы он вернул себе контроль над своими руками.

– Мне нужно идти. Он приехал забрать меня.

Клеман хмурится, сбитый с толку.

– Это... твой парень? Мне нужно набить ему морду, обнажить меч или типа того?

– Нет, – смеюсь я, – Лоан – мой лучший друг.

– Лучший друг в том же смысле, что и «я живу с двумя лучшими друзьями»?

Я пристыженно закусываю нижнюю губу. Что ж, когда-нибудь это должно было случиться...

– Вроде того, да. Я живу с ним и Зои. Но, уверяю тебя, нет повода для беспокойства. Мы с Лоаном всего лишь друзья.

Чтобы загладить свою вину, я надуваю губки, выражая раскаяние. Клеман задумчиво меня рассматривает. Затем он вздыхает и снова приближается ко мне, игнорируя взгляд Лоана, от которого у меня горят щеки, я не отвожу глаз.

– Точно?

– Я никогда не вру, – шепчу я, – разве что за исключением случаев, когда я говорю, что никогда не вру...

– Негодница.

И прежде чем я успеваю улизнуть, он касается моих щек своими ладонями и целует меня. Я закрываю глаза, отдаваясь ощущению его мягких губ на моих. На мельчайшее мгновение я даже забываю о Лоане. Достаточно сказать, что это очень-очень приятно. И мне хочется еще. Черт возьми, впервые я молюсь, чтобы меня похитили.

– Было здорово, но... мне нужно идти.

– Увидимся в понедельник! Хорошо повеселиться.

Я в последний раз улыбаюсь ему и подхожу к Лоану. Прежде чем сесть на пассажирское сиденье, я успеваю разглядеть его наряд. На нем черные джинсы, длинная футболка с надписью «NO PANTS ARE THE BEST PANTS» и одна из его серых шапок, из-под которой виднеется несколько каштановых прядей. Я отмечаю, что за неделю у него снова отросла борода.

Мне нравится, когда он с бородой.

– Пожалуйста, давай заедем домой! Мне нужно переодеться. Я быстро, честно.

– Не давай обещаний, которые не сможешь сдержать, Виолетта.

Я весело гляжу на него, но он меня игнорирует, не отрывая взгляда от дороги. Пусть он и пошутил, но выглядит отстраненным. Наверное, это потому, что я общалась с Клеманом, пока он ждал меня, или потому, что он видел нас. Он не любит публичных проявлений чувств.

Спустя какое-то время молчания, от которого мне уже как-то неловко, Лоан наконец спокойно спрашивает:

– Кто это был?

- Клеман.
- Его имя должно мне о чем-то говорить?
- Нет, я познакомилась с ним всего неделю назад.

Лоан сворачивает на перекрестке, а затем останавливается на красный сигнал светофора. Он по-прежнему не смотрит на меня.

- Классно. Так вы теперь вместе?
- Думаю, можно и так сказать.

Больше он ни о чем не спрашивает. Оставшееся время до дома мы сидим в полной и жутко смущающей тишине. И по дороге в клуб тоже. И хотя мне очень хочется, я все же сдерживаю себя и не тычу его носом в то, что я переделалась меньше чем за двадцать минут.

* * *

– Мамма миа! – восклицает Джейсон, увидев меня. Он пристально разглядывает мой наряд. – Виолетта, Лоану придется весь вечер приглядывать за тобой одним глазком, если он, конечно, не хочет, чтобы к тебе приставали.

Мы с моим лучшим другом наконец доходим до Джейсона, ожидающего за барной стойкой свой заказ. От громкой музыки лопаются барабанные перепонки, но он говорит так громко, что я его слышу. Я улыбаюсь в ответ на его замаскированный комплимент.

- Лишь одним?
- Другой уже, наверное, выпал.

Я хихикаю, глядя на Лоана, который улыбается лишь уголками губ. Признаю, после поцелуя с Клеманом настроение у меня прямо-таки праздничное. Сегодня вечером я хотела выглядеть красиво, и меня радует, что мне это удалось. Я надела черное боди с открытой спиной, которое до сих пор не носила, облегающие джинсы с высокой талией и черные туфли на каблуках.

Лесть Джейсона меня порадовала, и поэтому я целую его в щеку. Он кладет руку на сердце и восхищенно замирает. Лоан по-мужски хлопает его по спине.

- Не шибко радуйся, дружище. Я насквозь тебя вижу.
- Не парься, я знаю, что ее трогать нельзя. Я не самоубийца.

Джейсон забирает свои напитки и зовет нас за собой. Мой лучший друг кладет мне руку на спину и пропускает вперед. Я мельком замечаю, что Зои сидит на диванчике в дальнем ряду с Александрой и Хлои, девочками из ЭСМОД. Итан, коллега и друг Лоана, тоже там, и вместе с ними незнакомый мне мужчина. Когда мы подходим, Зои восторженно кричит в знак приветствия:

- А вот и главная красotka!

Поцеловавшись со всеми, я устраиваюсь рядом с девочками, которые тут же начинают делиться новостями обо всем и сразу, а парни активизируют свой «цыпочкорадар» – название, придуманное, что и неудивительно, Джейсоном.

Зои с блестящими глазами наклоняется ко мне. Я понимаю, что она выпила уже по меньшей мере пару стаканов.

- Помнишь, когда мы были тут в последний раз?

О да, это я помню... Небольшое – но значимое – уточнение: почти восемь месяцев назад я призналась Зои, что я девственница. И как только она об этом узнала, решила, что должна помочь мне с «дефлорацией». Это ее слова, я ничего не придумываю. Все закончилось тем, что мы решили поиграть в некую игру, местами раздражающую, в которой она пытается свести меня с каждым встречным. Мы назвали ее «Операция “Спаржа”»; в нашу защиту скажу, что мы были дико пьяны.

Какое-то время я встречалась с Эмильеном, но как только это закончилось, она стала таскать меня по барам и ночным клубам, говоря, что мне стоит просто выбрать самого красивого парня и привести его домой. Только вот у меня так гладко не получалось...

– Ну что? – спрашивает Зои, приходя ко мне на помощь. – Какой улов?

Я открываю рот, чтобы представить ей Эдуарда, но осознаю, что он ушел. Я осталась наедине с семьей опрокинутыми стопками. Почему, черт возьми, я снова это делаю? А, точно. Для секса. На грани отчаяния я падаю в объятия своей лучшей подруги и плачу ей. Она гладит мои волосы, как если бы это делала моя мама. Нет, не мама. Мой папа. Так мог бы делать только папа.

– Я не могу, Зои, – хнычу я ей в плечо, – мне кажется, мне было бы спокойнее с кем-то, кого я знаю.

– Джейсона не советую, уверена, что у него маленький.

Мимо проходит девушка в мегаобтягивающем платье и толкает меня так сильно, что я теряю равновесие. Я прожигаю взглядом ее спину и бросаю невнятное:

– Вот шлюха...

Зои, снова серьезная, потягивает свой коктейль. Она напоминает мне детективов, которых показывают по телевизору.

– Дай-ка мне подумать о нашем окружении.

Я слишком пьяная, чтобы думать вместе с ней. Вдруг она загорается и устремляет на меня свои сияющие глаза:

– Ну конечно же! Самый подходящий человек – это Лоан!

Я снова смеюсь, подавляя рвотный позыв. Чувствую, как алкоголь снова поднимается к горлу.

– Ты слишком пьяна, – говорю я ей.

– Да ладно, я уверена, что в штанах у него все зашибись! С виду он кажется очень правильным парнем: не пьет, не приводит девушек, никогда не злится и бла-бла-бла... Но очень часто именно такие правильные ребята оказываются чертовски горячи в постели.

Я хмурюсь, мыслями унось к Лоану, который совсем недавно вступил в ряды одиноких людей. Но поразмыслить над этим я не успеваю, потому что Зои продолжает:

– Остальные – позеры: минутку попытятся в миссионерской, а потом еще и добьют своим: «Классно было, да?»

Я так сильно смеюсь, что на мгновение мне даже кажется, что я описалась. Осознавая, что только что сказала, Зои присоединяется к моему веселью. Когда приступ безудержного смеха заканчивается, я вытираю глаза и снова грустнею.

– Я останусь девственницей на всю жизнь.

В этот момент приходит Александра, пряча кусочек бумаги в свой лифчик. Если бы я не была пьяной, я бы сказала помягче... но Александра перетрахалась со всем Парижем, поэтому рядом с ней и Зои я чувствую себя картошкой в упаковке чипсов.

– Как думаете, попаду ли в рубрику «Необычное» какого-нибудь скучного журнала с подписью «Вioletta, 60 лет: девственница однажды, девственница всегда» под моей фоткой?

Ровно в момент, когда моя лучшая подруга восклицает:

– Нет!

Александра активно кивает и уверенно отвечает:

– Стопроцентно.

Моя нижняя губа дрожит, и я понимаю, что сейчас заплачу. Зои рычит и поворачивается к нашему третьему мушкетеру:

– Ой, заткнись, Хайди Флейс.

Та хмурится.

– К чему ты сейчас об этой деревенщине Хайди?

Зои закатывает глаза. Я по-прежнему девственница сегодня, и я уверена, что останусь ею и завтра, но то, что моя лучшая подруга поставила Александру в один ряд с одной из самых известных проституток в мире, а та этого даже не поняла... Что ж, это сделало мой вечер.

Я заговорщически улыбаюсь, и Зои отвечает мне тем же. Думаю, настолько жуткого похмелья, как после того вечера, у меня не было никогда в жизни.

– ...советую тебе в это не лезть, – говорит Джейсон с другой стороны дивана.

Хлои отходит в туалет, и я сажусь на ее место рядом с Итаном. Он бурно что-то обсуждает с парнями. Итан, помимо того, что он пожарный (а это, в моем понимании, значимое преимущество), самый милый человек из всех, кого я знаю.

– Ты с кем-то познакомился? – восторженно спрашиваю я. – Класс!

– Не то чтобы это серьезно или что-то в этом роде, – успокаивает меня он несколько отстраненно. – Пока мы только узнаем друг друга. Но она феминистка, а это, если верить Джейсону, проблема.

Я хмурюсь, одновременно ища свою выпивку.

– Где мой бокал?

Я нахожу его в руках Александры. Она, извиняясь, гримасничает:

– Прости.

Я лицемерно улыбаюсь ей, выжидая, когда она отвернется, чтобы изобразить, будто вонзаю ей в спину нож. Я замечаю, что Лоан смеется себе под нос и отдает мне свой бокал, который я охотно принимаю.

– Спасибо. Прости, Итан, что ты говорил? А, да, что эта дама феминистка. Феминистка типа «я поддерживаю «Фемен» и скандирую лозунги перед Министерством юстиции с сиськами наружу» или типа «24/7 талдычу о том, что у тебя зарплата выше лишь потому, что у тебя между ног кое-что болтается»?

В ожидании его ответа делаю глоток из бокала Лоана. Там явно нет алкоголя, и это не так уж и плохо, учитывая, как я выгляжу после четырех стаканов.

– Не уверен, но мне не кажется, что она впадает в крайности.

– Тогда не вижу никаких проблем. Наоборот, ты должен гордиться тем, что она борется за то, что ей важно: это своего рода проявление ее ума. Послушай, я ведь тоже феминистка, и это не делает меня занозой в заднице. Seriously, почему люди всегда думают, что мы какие-то зануды?

– Прошу прощения, а с чего ты взяла, что ты не заноза в заднице? – влезает Лоан.

Я демонстрирую ему средний палец, и в это время Джейсон вставляет свое веское:

– Не слушай ее, дружище, ее губами говорит сам дьявол. Послушаешь ее – нарвешься на неприятности.

Он закатывает глаза, еще не зная, что мне этого хватило, чтобы завестись с пол-оборота.

– А ты совсем не развиваешься, да, Казанова?

– Узнаю этот тон. Не хотел бы сейчас оказаться на твоём месте, – бросает Лоан, похлопывая его по плечу.

Джейсон качает головой, как бы говоря, что все это полная чушь, и задирает нос. Ну прям настоящий петух на человеческих ножках.

– Единственное, что я говорил Итану, пока ты не влезла в наши мужские разговоры, так это то, что одно я знаю точно: трахать феминистку, плевать, радикальная она или нет, – никакого удовольствия.

Я в шоке открываю рот. Над такой тупостью невозможно не засмеяться. Лоан тоже мягко улыбается, разглядывая свои ботинки. Он понимает, что я этого так не оставлю. Он меня знает.

– Но почему? – настаивает Итан недоверчиво.

Я скрещиваю руки в ожидании его ответа, и в ту же секунду в клубе начинается греметь Run The World Бейонсе. Мир словно с ума сошел, не правда ли?

– Они феминистки, кретин! – восклицает Джейсон, явно убежденный, что проповедует слово божье. – ФЕ-МИ-НИ-СТКИ. А это значит, что они ни за что не дадут поставить себя раком. Типа так они оспаривают мужское превосходство или что-то в этом духе.

Я бросаю шокированный взгляд на Лоана, который едва сдерживается, чтобы не засмеяться. Я давно знаю Джейсона, достаточно давно, чтобы успеть услышать от него парочку восхитительных высказываний. И, поверьте мне, я считала, что худшее уже прозвучало. Но это... это просто вишенка на торте.

Я наклоняюсь вперед, локтями упираясь в колени, и задаю один-единственный терзающий меня вопрос:

– Джейсон, ты когда-нибудь спал с феминисткой?

Теперь на меня устремлены аж четыре пары глаз. Как легко привлечь мужское внимание...

– Нет.

– Понятно. Тебе родители никогда не говорили: «Пока не попробуешь, не узнаешь»?

Джейсон хмурит лоб, почесывая макушку.

– Говорили, но не думаю, что они имели в виду задницу хорошенькой цыпочки. Ну или я не так понял... Черт возьми! Все мое детство было ложью! – взывает он.

Я смеюсь, пиная его по ноге. Затем делаю еще один глоток коктейля и отдаю бокал Лоану, который выпивает следом за мной, не вмешиваясь в наш диалог. Я решаю закрыть тему красиво, чтобы в следующий раз он дважды подумал, прежде чем ставить крест на девушке лишь из-за того, что она феминистка: он может так упустить любовь всей своей жизни!

– Доминировать духовно или социально – вообще не то же самое, что секс раком, идиот. В сексе речь идет о совместном удовольствии. Но если девушка позволяет взять себя сзади, это не значит, что у тебя есть какая-то особенная власть в других вопросах...

– Окей, окей, я понял! – спешит остановить меня Джейсон, потирая виски. – Я пошутил! Твою мать, с тобой так утомительно разговаривать.

Я перевожу взгляд на Лоана, сидящего напротив. Он наблюдает за мной, попивая коктейль. От этого я еще больше краснею. Потому что знаю, что он знает. Знает, что я говорю о сексе, хотя я девственница и, следовательно, не особо в этом шарю.

Я избегаю его взгляда и прислоняюсь к шее Итана, тихо шепча ему:

– Не парься и просто действуй. Сам все потом увидишь, лады?

Я отстраняюсь как раз вовремя, чтобы увидеть его улыбку.

– Не волнуйся за меня, Вио. Я не упущу ее только из-за позы раком. Хотя жаль, – добавляет он, подмигивая.

Я улыбаюсь ему, целую в щеку и вдруг ощущаю, как чья-то теплая рука пробегается по моей спине. Я рефлекторно выгибаюсь.

– Думаю, если ты сейчас же не пойдешь на танцпол на своих двоих, Зои притащит тебя туда за волосы! – кричит Лоан, чтобы его было слышно.

Я киваю и следую к своей лучшей подруге на забытый танцпол. Мне кажется, что я замечаю в толпе ее платье цвета электрик, но я слишком маленькая, чтобы протолкнуться между этими неистово танцующими телами.

Лоан что-то говорит мне, но я ни слова не слышу: его голос заглушает голос Бритни Спирс.

– Ну и ладно, нам и здесь хорошо! – ору я, останавливая его.

Он в замешательстве хмурится и затем наклоняется:

– Но я не танцую.

– Почему?

– Я никогда не танцую, – говорит он, пожимая плечами.

Я знаю, что ты никогда не танцуешь, придурок. Я ведь спрашиваю «Почему?»! Но, полагаю, мне остается лишь смириться с этим. Просто Лоан Милле из тех, кто не танцует в ночных клубах. Я уже собираюсь отпустить его и присоединиться к подруге, как вдруг натываюсь взглядом на последнего человека, которого думала сегодня встретить.

– О боже, – выдыхаю я, яростно хватаясь за футболку Лоана.

Я притягиваю его к себе изо всех своих сил и скрываюсь за ним, молясь, чтобы меня не было видно.

– Что такое? – удивляется он.

Поверить не могу, что он здесь... Хотя нет, на самом деле не так уж я и удивлена. Но скажем так: мне бы хотелось избежать этой встречи. Я прячусь за мускулистой фигурой Лоана и ангельски ему улыбаюсь, обвивая руками его шею. От этого жеста его лицо смягчается.

– Всего один танец, – молю я.

Я вижу, что он сомневается. Он, безусловно, никогда не танцует, но ведь я попросила его с тем самым взглядом Кота в сапогах. А я знаю, что ему не так легко воспротивиться этому взгляду. Да и кому легко...

– Ладно, хорошо.

Лоан кладет руки на мою талию и следует течению толпы. Так незаметно, как только можно (по крайней мере, мне так кажется), я склоняю набок голову, чтобы убедиться, что меня не рассекретили. И, конечно же, именно тогда, когда я снова его замечая, наши взгляды пересекаются.

Черт! Я тут же выпрямляюсь. Мои щеки горят. Эмильен видел меня, теперь сто процентно. И видел в объятиях Лоана. «Отставить панику, Виолетта! Он остался в прошлом, ты же помнишь? Он мерзавец, каких поискать». Да, я все знаю, я ничего не забыла. Но все же наткнуться на бывшего – это всегда неприятно. Особенно если этот бывший бросил вас по просто отвратительной причине.

Во мне разгорается неистовое желание отомстить, и я думаю о том, чтобы...

– Виолетта?

– Ммм?

Лоан остановился и теперь смотрит мне в глаза. Я пока ничего не понимаю. Он приподнимает одну бровь, но его лицо непроницаемо.

– Объяснишься?

– В смысле?

– Твои руки слишком близко к моей заднице.

Я осознаю, что мои руки опустились туда сами собой. В *последний момент* я их поднимаю, красная как мак. Не такая уж я и невинная девочка...

– Вот черт, мне очень жаль. Тебе было неприятно?

Уголок его рта немного кривится, выдавая его веселье.

– Это нормально, но от того, что это ты, как-то жутко. Что происходит?

Я вздыхаю. Не знаю, нужно ли ему говорить... Мы с Эмильеном плохо расстались, и Лоан видел это. И у меня нет никакого желания портить этот вечер. Но он поймет, если я совру. И поэтому я позорно сдаюсь:

– Ну... Допустим, возможно... там... может быть, там Эмильен.

В ту же секунду я ощущаю, как напрягается каждая мышца его тела. Его улыбка исчезает так быстро, что я начинаю сомневаться, что я ее не придумала.

– Этот ублюдок? Где?

Когда он начинает осматривать помещение, я хватаю его за лицо и вынуждаю повернуться ко мне.

– Не смотри! Прости, я знаю, что это по-детски, но, учитывая то, как он меня кинул... Я хотела, чтобы он понял, что потерял. Короче, забей!

По глазам Лоана я вижу, что он вспоминает наш с Эмильеном разрыв: они начинают полыхать огнем. Он до скрипа сжимает зубы.

– Если бы только я мог подойти и...

– Я знаю. Но драки в общественных местах запрещены. Ты пожарный, поэтому тебе нужно чистое досье, без судимостей. Ну ты, конечно, можешь врезать ему и быстренько смыться, я с радостью возьму на себя вину – поверь, я не боюсь ночи в отделении, – но вряд ли они поверят, что эти маленькие ручки способны на то, что могут сделать вот эти, – говорю я, хватая его за пальцы. – Впрочем, как-то раз в седьмом классе одна девчонка дала мне пощечину, и как-то само собой получилось, что и я тоже знатно зарядила ей по лицу, хотя в принципе не признаю насилие. Сразу после этого она захотела снова мне врезать, но я уже убегала. Не то чтобы я была трусихой, но и отпетой драчуньей я тоже не была.

Я останавливаюсь перевести дыхание и подобрать слова. Я больше не знаю, о чем говорить... Поднимаю взгляд на Лоана, который неотрывно на меня смотрит.

– К чему я это все?

– Честно? Понятия не имею.

Я кривлюсь, опуская голову. Совершенно точно уверена, что Эмильен наблюдает за мной где-то в толпе. Как подумаю, что он поставил мне в укор что-то настолько... пустяковое!

Вдруг Лоан вздыхает и крепко прижимает меня к себе. Его дыхание щекочет мочку моего уха, когда он шепчет:

– Я делаю это только потому, что ненавижу этого типа, и потому, что ты сегодня восхитительно выглядишь.

Я не вполне успеваю понять, о чем он говорит, как он мягко разворачивает меня и прижимается торсом к моей голой спине. Из динамиков раздается Partition. Удивленная тем, что он подыгрывает мне и даже не возмущается, я замираю, словно статуя. Я чувствую, как его пальцы касаются тонкой чувствительной кожи моих запястий и поднимаются выше по рукам, оставляя за собой след из мурашек.

Мое тело автоматически тянется к его телу, все больше и больше, пока наконец одна из его рук не останавливается на моих бедрах, прижимая мой таз к нему.

– Лоан...

Я хочу ему сказать, что это глупо, я должна ему сказать, что это вовсе не обязательно, но мой мозг не соглашается с моим мнением и заставляет меня молчать. Лоан, очевидно, тоже не согласен.

– Тише, – шепчет он мне на ухо.

И я закрываю глаза, позволяя себе полностью расслабиться. Мои ресницы трепещут, а сердце заходится в груди галопом от одной лишь мысли о том, чтобы коснуться его. Я знаю его руки вдоль и поперек, знаю это тепло и то, как оно обволакивает меня каждый раз, когда мы вместе спим... но сейчас все это кажется совсем другим. Прямо сейчас все мои чувства обострены. И в этом нет ничего платонического.

Пальцы Лоана ласкают мою шею, нежно ловя мешающие волосы и перекладывая их на другое плечо. Я пытаюсь сконцентрироваться на дыхании, но все рушится вдребезги, когда я чувствую нежное прикосновение его губ к ложбинке на моей шее.

Я вздрагиваю, мне не хватает воздуха. Я больше не знаю, что происходит у меня в голове, но я машинально поднимаю руки и обнимаю его влажную шею. Нижняя часть живота болезненно трещит, когда он еще крепче прижимается к моей пояснице, медленно двигая тазом. Это слишком. Это слишком, я не смогу этого вынести. Наши тела, безразличные к внешнему миру, двигаются под музыку в собственном ритме.

«Просто хочу быть той, что нравится тебе... девушкой, что нравится тебе...» – долетают слова Бейонсе.

Мне жарко, мне ужасно жарко, но я не хочу, чтобы он отходил. От наших сплетенных тел исходит какая-то невероятная химия, и я совершенно теряю связь с реальностью. Я больше не понимаю, что правда, а что нет. Его руки блуждают по каждому моему изгибу, нежные, но твердые, и он все сильнее прижимает меня к себе, даже когда ближе уже некуда.

Я хватаю его за волосы: мне нужно за что-то держаться, чтобы не рухнуть под собственным весом. Я безнадежно проигрываю движениям его таза. Лоан не просто мой лучший друг – прежде всего он мужчина. Мужчина, от которого буквально пахнет тестостероном, мужчина, чей пах сейчас упирается в мои ягодицы. Ну как тут не свихнуться?

– Думаешь, мы справились? – шепчет он.

Я киваю, но Лоан, не обращая внимания на мой ответ, не позволяет мне отодвинуться ни на миллиметр. Я опускаю руки, все еще не открывая глаз, и поворачиваюсь к нему лицом. Его руки повсюду.

Мое
сердце
сейчас
взорвется.

Мои веки трепещут, пока я окончательно не поднимаю их. Его нос касается моего, его губы почти задевают мои, но не встречаются с ними. Еще немного – и я сорвусь, я знаю, я чувствую это. Не знаю, к счастью или к сожалению, именно в этот момент Эмильен решает толкнуть Лоана, вырывая меня из пузыря, в котором я находилась последние несколько минут. Я резко возвращаюсь в реальность, все еще глубоко взбудораженная.

– Так вот что ты делала за моей спиной, когда утверждала, что ты девственница, шлюха? – ревет мой бывший, прожигая меня взглядом и пальцем указывая на Лоана.

Последний, кажется, тоже пришел в себя: он трясет головой и, вернувшись в реальность, хватается за запястье, закрывая собой. Несмотря на бурю гнева, отражающуюся на его лице, он сохраняет спокойствие и подходит к Эмильену.

– Лучше бы тебе уйти. Сейчас же.

Вот поэтому я им и восхищаюсь. Я знаю его и понимаю, что эта фраза – смертельная угроза. А он даже не повысил голос. И от этого по коже бегут мурашки.

– Да ну? А то что? – провоцирует его Эмильен, злобно ухмыляясь.

Я смотрю на Лоана, прожигающего его немигающим взглядом. Он выше Эмильена, это позволяет ему физически доминировать.

– Я знаю, чего ты добиваешься. Я не стану с тобой драться, – заверяет Лоан.

Я окидываю взглядом людей вокруг. Некоторые уходят, чувствуя приближающуюся драку.

Я дергаю своего друга за руку, чтобы он ее отпустил. Но Эмильен смеется и сплевывает на пол, а затем поворачивается и бросает:

– Ссыкло.

На этот раз Лоан отпускает мое запястье и хватается Эмильена за шею, дергая его на себя так грубо, что тот ударяется о его грудь. Я стою достаточно близко и слышу, как он шепчет ему на ухо:

– Поговори с ней так еще раз и, уверяю тебя, можешь попрощаться со своими ногами.

Я каменею, ожидая любого проявления агрессии со стороны мертвенно-бледного, но и бровью не поведшего Эмильена, который слушает моего лучшего друга.

– Виолетта знает, где ты живешь, – продолжает Лоан с угрозой. – В один прекрасный день ты как ни в чем не бывало просто выйдешь из дома – и бац!

Он делает паузу, позволяя словам эхом отозваться в ушах собеседника. Мгновение спустя он с полностью контролируемым холодом в голосе спрашивает:

– Понял или повторить?

Эмильен молчит, сжимая челюсти. Он искоса бросает на меня взгляд, но Лоан перехватывает его и сильнее сжимает его шею. Он опускает глаза, и Лоан его отпускает. Просить Эмильена не приходится: сжимая кулаки, он уходит. Мое сердце вновь бьется с нормальной скоростью, а плечи опускаются – настолько мне стало спокойнее. Ладно, признаю, это был не лучший способ отомстить.

– Прости, – говорю я и кладу ладонь на его руку.

Секунду он смотрит на нее, затем заглядывает в мои глаза. Он недоволен. Очень.

– В следующий раз с такими просьбами обращай к своему парню. Подобного рода задачки вне моей компетенции.

Ай! Это ранит.

Но он прав, мне не стоило просить его об этом. Впрочем, у него был выбор, и он не отказался. Он возвращается к нашему столику, я наблюдаю за ним. Наш интимный танец уже в прошлом, что, если честно, к лучшему...

Чтобы убедить себя в этом, я возвращаюсь к остальным на диванчик – ровно в момент, когда Лоан надевает куртку и объявляет, что идет домой.

Я жду, когда он уйдет, чтобы потом допросить Джейсона.

– Оставляю ее на тебя, – тихо говорит он другу. – Присмотри за ней, Эмильен здесь.

Его лучший друг хлопает его по плечу с напитком в руке.

– Буду беречь ее как зеницу ока! Эта сволочь к ней и на три метра не приблизится.

Лоан кивает:

– Не сомневаюсь.

От вины у меня крутит живот. Я использовала Лоана, чтобы заставить ревновать парня, на которого мне глубоко плевать. Но я знаю, что завтра будет лучше.

И что все будет так, как было вчера.

5. Наши дни

Лоан

– Ты рано ушел в пятницу, – отмечает Итан, качая на полу пресс.

Я сдерживаю вздох, не выдавая эмоций. Я знал, что вопросов по этому поводу мне не избежать. Я даже уверен, что они с Джейсоном обсуждали возможную причину моего поспешного ухода. Но мне плевать на их домыслы. Я не спешу давать ответ и продолжаю тягать над головой стокилограммовую штангу.

В этот понедельник я не работаю, но, чтобы успокоиться, пришел в тренажерный зал части. Итан спросил, может ли он пойти со мной, и я не смог ему отказать.

– Ага, – говорю я коротко.

Вечер пятницы уже позади. Нет смысла о нем вспоминать. Так или иначе, полагаю, когда-нибудь это должно было случиться – сексуальное влечение к Виолетте. Да, она моя лучшая подруга, но она все равно женщина. И какая женщина!

Однако я соврал бы, если сказал, что впервые испытываю к ней такого рода влечение. Такое случалось и раньше... Мое воображение разыгрывалось, когда я видел ее в красивом коротком платье; я трепетал, когда она невинно прижималась ко мне своей грудью. Но я не особо обращал на это внимание. Все мои мысли были о Люси, и я просто игнорировал то, чего хотело мое тело. Но теперь Люси рядом нет, хоть она и до сих пор в моей голове.

– Кстати, я поболтал с Виолеттой... Совсем забыл, что у нее скоро день рождения.

Я неопределенно улыбаюсь. Я не забыл. Я ломал голову, что бы такого запоминающегося для нее сделать. Я думал сводить ее в парижский Диснейленд на все выходные, пусть даже это и обойдется в целое состояние, знаю, что она никогда там не была. Но Зои напомнила мне, что праздновать будем не только мы с ней.

– Да, ей исполнится двадцать.

Я выпрямляюсь, чувствуя боль в мышцах, и в этот момент Итан объявляет, что у Виолетты, видимо, нет никаких планов.

– Знаю. И слава богу, а то наш с Зои план не выгорел бы.

– А что вы хотите сделать?

– Устроить домашнюю вечеринку со всеми ее друзьями. Ничего сверхъестественного, но я знаю, что ей нравится – простота. И быть в окружении самых близких ей людей. Ей очень понравится, – улыбается Итан.

Надеюсь на это.

Главное, чтобы все стало так, как было. По крайней мере, до вечера этой пятницы, когда все несколько вышло из-под контроля. И хотя мне жаль, что я не разбил этому ублюдку голову об стену, я очень рад, что Эмильен нас прервал. Кто знает, что бы я сделал под влиянием своих предательских чувств. Я знаю, что Виолетта достаточно взрослая для того, чтобы понимать: эта близость была нам, конечно, приятна, очень приятна, но это был не более чем резкий скачок либидо. Наша дружба слишком ценна.

Вот почему на следующий день я вел себя как ни в чем не бывало. Не хочу никакой неловкости между нами.

– Что ж, у тебя есть планы на вечер? Приходите ко мне, опрокинем пару рюмочек в спокойной обстановке.

Мгновение я раздумываю, затем киваю, вытирая полотенцем пот со лба.

– Почему бы и нет? Я позвоню Джейсону, когда вернусь.

– Что насчет девочек?

– Нет, Зои не захочет находиться и на расстоянии трех метров от Джейсона, если рядом не будет Виолетты.

Итан бросает в мою сторону вопросительный взгляд. Я уклончиво пожимаю плечами и встаю на ноги. Он следует со мной до душевой, по пути мы здороваемся с парочкой наших коллег. Затем я объясняю, что сегодня вечером Виолетта встречается с Клеманом – парнем, с которым она общается уже пару недель.

В раздевалке я снимаю шорты и обувь, затем поднимаю взгляд на Итана.

– А тебе это, похоже, нравится, – говорит он скорее насмешливо, чем с подозрением.

Я пользуюсь моментом и, зайдя в душевую кабину, снимаю футболку. Кабинки в душе не совсем сплошные: мы можем видеть друг друга по шею. К счастью, мою спину не видно из-за стены.

Я немного выжидаю, наслаждаясь тем, как капли воды мягко стекают по моей голой коже, и наконец отвечаю:

– Мне кажется, это плохая затея.

Я снова думаю об этом проклятом Клемане и снова начинаю злиться. Да, это определенно плохая затея. Пусть даже в данный момент у меня нет никаких конкретных этому доказательств.

– Он что, подонок? – спрашивает Итан, намыливаясь.

– Я ничего о нем не знаю, никогда с ним не общался.

– Тогда почему ты...

– Мне просто кажется, что это плохая затея, и точка. Там все вместе: и его внешность, и его идеальные зубы, и девчачьи ботинки.

Мой друг смеется, мотая головой.

– Лоан, а ты случайно не ревнуешь?

Это было ожидаемо. Но я не собираюсь сдаваться, быстро мою голову. Слишком хочется вернуться домой.

– Нет. Обычно я не вмешиваюсь в ее личную жизнь. (До вчерашнего дня...) Вот только Виолетта слишком добрая: она так хочет видеть в людях их лучшие качества, что иногда слепа ко всему остальному. Взять этого ублюдка Эмильена. Я позволил этому случиться, не вмешивался, и вдруг она говорит мне, почему он ее бросил, а он уже слишком далеко, и я не могу до него добраться! Я был просто в бешенстве.

Одного воспоминания о той ночи, когда Виолетта рассказала мне причину их разрыва, достаточно, чтобы я снова начал жалеть, что не убил его в пятницу. Я так мечтал об этой возможности...

– Так, значит, ты боишься, что с ним будет так же. Она кажется несчастной?

– Нет... Она, наоборот, постоянно улыбается. Как только получает сообщение, светится и уходит, чтобы побыть наедине с собой.

Неожиданно я чувствую себя глупо. Действительно, причин для паники нет. Наоборот, кажется, им хорошо вместе.

Кроме того, думаю, Зои заставит меня пригласить его на вечеринку-сюрприз. Вот черт! Итан смеется, чем удивляет меня. Я выключаю воду и трясую головой, избавляясь от лишней влаги.

– Даже не спорь, ты ревнуешь.

На этот раз я сжимаю челюсти и прожигаю его взглядом, подхватывая свое полотенце.

– Говорю же, что нет!

– Ревнуешь не в плане, что любишь ее, – защищается он, – а потому, что когда Люси от тебя ушла, ты понял, что и Виолетта может с кем-то познакомиться. В то время как ты сам так и не смог оставить прошлое позади.

От его слов я замираю, все мое тело словно камнеет. Имя Люси, произнесенное вслух, все так же причиняет мне боль. В разговорах с Джейсоном и Виолеттой мы обычно избегаем этой темы. Они очень хорошо знают, что мне до сих пор плохо. Прошло всего полгода.

К сожалению, я понимаю, что рассуждения Итана не так уж и глупы. Даже не так: он совершенно прав. Я ревную, но не к Клеману. Я просто завидую Виолетте – потому что она продолжает жить полной жизнью, потому что у нее есть кто-то, кто делает ее счастливой. В отличие от меня.

– Ты слышал о ней что-нибудь? – бормочет Итан, пока я поспешно надеваю футболку, смущаясь.

Не хочу об этом говорить. Я отрицательно качаю головой, давая понять, что хотел бы сменить тему. Не хочу говорить с ним о Люси. Да и вообще ни с кем.

– Тебе нужно двигаться дальше. Нельзя на этом заикливаться. У меня полно подружек, могу тебя им представить, если хочешь, – шутит он, чтобы разрядить обстановку. – Есть феминистки, есть не феминистки...

В глубине души я знаю, что он прав. Хандра ни к чему не приведет, а обжимания с лучшей подругой с целью выпустить пар – тем более. Но я ничего не могу с этим поделать. Я жду Люси с того момента, как она ушла, просто даю ей время и жду – это все, что мне остается. Доказать, что она ошибалась на мой счет. Вот почему уже полгода я даже не приближаюсь к девушкам.

Не показывая своего раздражения, я выхожу из кабинки и спокойным голосом отклоняю его предложение:

– Спасибо, Итан, но нет. Она вернется, я точно знаю.

Я слышу, как он вздыхает где-то рядом, и надеваю джинсы. Он мне не верит, он жалеет меня, как и Джейсон, как и Виолетта. И это бесит меня до глубины души, хотя я уверен, что они хотят как лучше.

Я засовываю грязную одежду в спортивную сумку и закидываю ее на плечо, решительно глядя в глаза другу.

– Я все для этого сделаю.

* * *

По пути домой я звоню Джейсону и предлагаю ему встретиться сегодня у Итана. Он говорит, что в деле и приедет туда где-то через час, только примет душ и наденет что-нибудь поудобнее.

Когда я возвращаюсь, в гостиной пусто. Снимаю пальто, прохожу в свою комнату и кидаю его на кровать. Чувствую, как Мистангет трется об мою ногу.

– Иди сюда, красавица моя.

Я наклоняюсь, беру ее на руки и целую белую шерстку. Обожаю ее, эту крольчиху. Как и говорила мне Виолетта в нашу первую встречу, она действительно с характером. Сначала она убегала от меня как от чумы. А потом мне удалось по-своему ее приучить.

– Подожди, сейчас найду твою подругу, – говорю я, укладывая ее под одеяло.

Я дохожу до комнаты девушек и стучу, чтобы узнать, вернулась ли уже Виолетта.

– Что? – слышу в ответ нетерпеливый голос.

Зои.

– Ничего, просто хотел узнать, живы ли вы. Виолетта там?

Мгновение я жду, прижимаясь виском к двери, и до меня вновь доносится голос Зои:

– В душе!

И правда: я слышу шум воды, доносящийся из ванной. Дважды громко стучу, чтобы Виолетта услышала.

– Можно войти?

– Да!

Я нажимаю на ручку и вхожу, держа в руках пропитанную потом одежду. Закрываю за собой дверь и закидываю вещи в стиральную машину. Зеркало над раковиной полностью запо-

тело, и поэтому я протираю его рукавом, чтобы хорошо себя видеть. Я несколько секунд вглядываюсь в свое отражение. Шум воды приводит в порядок мои мысли. Честно говоря, я совсем не хочу идти сегодня к Итану и еще меньше хочу вымученно смеяться над пошлыми шутками Джейсона. Должен признать, он не особо изобретателен.

Мой взгляд прикован к шторке душа. Сквозь нее я могу смутно разглядеть силуэт Виолетты, моющей голову, и этого тем не менее достаточно, чтобы захватить все мое внимание. Я сглатываю, пытаюсь не думать о том, что она сейчас голая и находится лишь в метре от меня. Ее тело, близостью с которым я более чем наслаждался лишь два дня назад...

– Черт! – шипит Виолетта из-за шторы. – Вот дура.

Я слышу звук падения чего-то, скорее всего, ее геля для душа, и это резко возвращает меня в реальность. Я в раздражении трясую головой, понимаю, что здорово возбудился.

Мне действительно нужно прекратить фантазировать о Виолетте, и побыстрее.

Я выхожу из ванной и прячусь в своей комнате, чтобы переждать, пока утихнут мои физиологические порывы. Через десять минут, убрав все, что попало под руку, я вновь выхожу в по-прежнему пустую гостиную. Я сажусь на диван. Голова раскаляется. Я очень хорошо знаю, что у нас с Виолеттой ничего не может быть, но мое тело не слышит этого. Думаю, начинают сказываться долгие месяцы моего воздержания.

В момент, когда я собираюсь чем-нибудь перекусить, в комнату врывается разъяренная Виолетта, завернутая в одно лишь синее полотенце. В *мое* синее полотенце. Я хмурюсь, понимая, что ее взгляд направлен прямо на меня.

– Кстати говоря, ты!

Так, ничего хорошего это не обещает...

Ее маленькая фигура замирает напротив меня. Ее кожа блестит, будто покрытая потом, а пряди волос, выбиваясь из пучка, липнут к щекам. Это глупо, но меня охватывает трепет.

– Тебе что, нравится издеваться надо мной, Лоан?!

Я приподнимаю бровь:

– Что я сделал?

Мне действительно любопытно. Не помню, чтобы я где-то сглупил. Скорее, уж это я должен был бы упрекнуть ее в том, что она взяла мое полотенце или что иногда она пользуется моей зубной щеткой, но я ничего не говорю, потому что в глубине души я совсем не против.

– Тебе не кажется, что ты съел все мои шоко-бонс?

А, это! Признаюсь, я сорвался. Я вообще не очень много ем, но в тот вечер был просто дико голоден. И, к несчастью для Виолетты, ее шоколадки буквально строили мне глазки. Не хотелось их разочаровывать.

– Прости, – кротко говорю я, – меня казнят сразу или я имею право на судебное разбирательство?

Она прожигает меня взглядом, давая понять, чтобы я больше даже не думал о плоских шуточках. За это время я успел понять, что шоколад – это ее жизнь. И то, что я украл его у нее, мне с рук не сойдет. Вот честно, если бы шоколадизм был религией, она была бы ярым его приверженцем.

– Да пошел ты, Лоан. Я не так давно захотела их поесть, расслабиться, пошла за нами, а там ничего! Ноль! Nada! Nic!

– «Nic»?

– Это по-польски, – объясняет она, уперев руки в бока. – Ой, да какая разница. Важно лишь то, что ты смел целую коробку, а я покупала их для СЕБЯ! Ну твою мать.

Я наблюдаю за ней, пытаюсь не засмеяться. Я часто смеюсь, когда она кричит на меня, и одному богу известно, насколько она это ненавидит. Но что я могу поделать, если, высказывая недовольство, она тараторит со скоростью света и постоянно машет руками?

Я пару раз киваю, не в силах переварить все, что она мне кричит. Вдруг она останавливается. Несколько секунд мы молчим. Возможно, она ждет реакции... Я неуверенно пробую:

– Хорошо?

Это скорее вопрос, чем что-то еще. Она сразу успокаивается, скрещивая руки на груди. В ее глазах проскальзывает проблеск подозрения, который рушит мои попытки ее перехитрить.

– Почему ты ничего не говоришь? Обычно мы спорим так, что кажется, будто сейчас Четвертая мировая начнется.

Я морщю лоб.

– Четвертая?

В ответ на мой идиотский вопрос она неопределенно взмахивает рукой, словно говоря: «Ну естественно!»

– Да, Третья – это смерть Джона Сноу, ты же знаешь.

Я киваю. Как я мог забыть?

– А, да, точно. Ну, сегодня я не буду с тобой спорить.

– И почему же?

Сомневаюсь, стоит ли ей говорить. Джейсон не стал бы мяться, он сказал бы все прямо. Но я не Джейсон, я хорошо ее знаю и знаю, как она отреагирует. А она может воспринять это не очень хорошо... Да и черт с ним! Если через три секунды я не придумаю ответ, она поймет, что я вру. Лучше уж быть честным.

– Ну потому, что я знаю, что у тебя... Ну ты понимаешь... красные дни.

Даже мельчайшее проявление гнева вдруг исчезает с ее лица. Я жду, пока она обработает услышанное: кажется, для этого ей требуется несколько лишних секунд. Едва до нее наконец доходит, ее глаза расширяются, и она тут же краснеет. Я почти улыбаюсь – настолько это мило. Но все же сдерживаюсь, чтобы не лишиться головы.

– О боже... – бормочет она недоуменно, – ты знаешь, когда у меня месячные?

– Ну да.

– Но откуда?

– Виолетта, я живу с тобой полгода.

От шока она открывает рот.

– О боже мой! – стонет она, закрывая лицо руками.

Я мягко улыбаюсь, подхожу и обнимаю ее. Моя одежда намокает от влаги ее кожи, но я не отпускаю ее. Мне нравятся ее волосы. Они пахнут яблоками. Никогда не замечал.

– Перестань, это ерунда.

Если честно, мне плевать, когда у нее месячные. Не то чтобы я вычеркивал дни в календаре и следил за этим.

Виолетта мягко отстраняется и пристально смотрит на меня с максимально серьезным видом.

– Лоан, я многим готова с тобой делиться. Последним мороженым «Бэн энд Джерриз», тем, как меня впервые отшили, или даже шоко-бонс – фиг с ними! Но только не тем, сколько дней осталось до моих месячных.

Я закусываю щеку, чтобы не рассмеяться от нелепости ситуации. Но есть и хорошие новости: она больше не злится из-за этих несчастных шоколадок.

– Знаю. Уже забыл.

Она одаривает меня ангельской улыбкой, и я забываю обо всех своих сегодняшних метаниях. Затем она отодвигается и вдруг бьет меня по груди.

– Ай!

– И не думай, что злюсь я из-за месячных! Сексист недоделанный!

Я наблюдаю, как она, развернувшись, летит, словно фурия, в ванную. Вне всяких сомнений, наступило страшное время...

Я снова падаю на диван, чтобы потупить, просматривая клипы. Вскоре ко мне присоединяется Зои, и мы спорим по поводу полуголых девушек в телевизоре.

Вдруг полностью собранная Виолетта пулей выбегает из ванной. Я оборачиваюсь и разглядываю ее с головы до ног. У меня сводит живот. Ее густые золотистые волосы падают, доходя до груди. На ней белая блузка с немного закатанными рукавами и брюки из искусственной кожи, обтягивающие бедра и ягодицы. Настоящая роковая красотка.

Я сглатываю, наблюдая за тем, как она наклоняется и надевает туфли на каблуках. В таком виде она отсюда не выйдет, это даже не обсуждается. Вот только права голоса у меня нет. В замешательстве я плююсь в телевизор. Краем глаза вижу, что Виолетта торопится. Затем она отвечает по домофону:

– Спускаюсь.

Он мог бы и подняться. Это же, ну, не знаю, вопрос галантности?

– Ты куда? – спрашиваю я.

Я прекрасно знаю, куда она. Виолетта поворачивается ко мне и мягко улыбается, но эта улыбка не затрагивает ее глаза. Она нервничает, я сразу это замечаю. И я прекрасно знаю, что происходит, когда она нервничает: магия!

– У меня свидание с Клеманом.

Мне не нравится, как она произносит его имя.

– Окей.

Мгновение она молчит, бог весть чего ожидая. Я встаю и обхватываю ее лицо руками. Целую в висок, волосы Виолетты щекочут мои пальцы.

– Он тебе нравится?

Она, кажется, удивлена. Возможно, мой вопрос кажется странным, но мне нужно знать ответ. Мне необходимо, чтобы она сказала, что он хороший парень и что мне не нужно беспокоиться.

– Да-да, он мне нравится.

Я киваю, застегивая пуговицу на ее слишком распахнутой блузке. Она улыбается и закатывает глаза.

– Тогда все супер. Я рад.

Она легко целует меня в щеку и морщит нос.

– Ты колючий!

Я улыбаюсь и потираю свою несколькодневную щетину. Виолетта берет с одного из кухонных стульев свою куртку и надевает ее, обматывая вокруг шеи и поверх непослушных волос фиолетовый кашемировый шарф. Тот, что купил ей я.

– Будь хорошей девочкой.

Моя лучшая подруга открывает дверь и, влоборота обернувшись, подмигивает:

– Ничего не обещаю.

Она закрывает за собой дверь быстрее, чем я успеваю среагировать. Думая о том, как этот тип будет смотреть на ее обтягивающий наряд, я заранее сжимаю кулаки, потому что я мужчина и прекрасно знаю, о чем думает другой мужчина, когда видит девушку вроде Виолетты. И там нет ничего хорошего. Мне самому-то за себя стыдно.

– В чем твоя проблема? – неожиданно спрашивает Зои, совершенно правильно истолковав мое тяжелое молчание.

– Я за нее беспокоюсь.

– Почему? – настаивает она. – Она счастлива!

– Она и с Эмильеном была счастлива. И к чему это привело?

Зои показательно закатывает глаза, а затем язвительно вздыхает.

– Хорошо, папочка Лоан! И что же ты собираешься делать?

Я мрачно смотрю на нее, но она не реагирует. Мне не нравится это извращенное сравнение, но я решаю не реагировать.

– Ничего.

Это, несомненно, ложь. Во-первых, я собираюсь пригласить его на день рождения Виолетты. Встречусь с ним, понаблюдаю – только понаблюдаю, ничего больше. Сделаю вывод. А затем буду действовать, отталкиваясь от сделанного вывода. Я уже испытывал эту боль в груди, будто кто-то сдавил мое сердце голыми руками, – в тот первый и последний раз, когда Виолетте пришлось пройти через расставание.

И, вспоминая это, я лишь больше беспокоюсь...

6. Восемь месяцев назад Виолетта

Это мое первое настоящее расставание.

До Эмильена у меня был всего один парень, еще в десятом классе, но я не думаю, что этот опыт стоит учитывать. Я никогда не была той девушкой, которая бежит за парнями, ни чтобы развлечься, ни чтобы найти настоящую любовь.

Эмильен был моим первым настоящим парнем, и, соответственно, с ним же я впервые рассталась. Это произошло всего где-то два часа назад у него дома. После этого я вернулась к себе и разрыдалась в объятиях своей лучшей подруги. И все же, пусть даже я сейчас в депрессии валяюсь на диване (и плюсом к этому еще набрала пять кило), я бы не сказала, что у меня разбито сердце. Думаю, мне так плохо потому, что мне стыдно за себя. Стыдно, что выбрала мужчину, который посмел упрекнуть меня в том, что я девственница, мужчину, который недостаточно сильно меня любил или недостаточно сильно меня уважал, чтобы подождать и не пытаться меня завалить. Но мне стыдно и из-за того, что я начинаю задумываться, а так ли уж он не прав... Не слишком ли долго я жду и не зря ли это?

– Если ты не поднимешь свою задницу с дивана, в конце концов он примет твою форму, – говорит мне Зои из кухни.

Я не отвечаю и прячусь с головой под плед. Меня все достало, достало, достало... В такие моменты я жалею, что у меня больше нет матери. Мне бы хотелось позвонить ей, поплакать навзрыд. Хотелось бы, чтобы она дала мне парочку советов, чтобы наставила на путь истинный, как и любая хорошая мама. Конечно, технически я могла бы ей позвонить. Но на кой, если она решила оборвать все связи?

Я не собираюсь гоняться за ее любовью. Я никогда не гоняюсь ни за чьей любовью.

Никогда.

– Да будет так, – бормочу я под нос.

Я осознаю, что мое уныние ненормально, но мне плевать. В моей голове вновь неумолимо звучат ядовитые слова Эмильена: «Тебе девятнадцать лет, ты, черт возьми, уже не ребенок. Почему бы тебе просто не расслабиться, Вио? Клянусь, тебе понравится».

Я не заставила себя долго ждать и тут же кинула в него первое, что попало под руку. Попался будильник. И судя по тому, с каким грохотом он в него прилетел, получать по лицу будильником довольно больно.

– Ладно, слушай, – начинает Зои, – предлагаю...

Вдруг кто-то звонит в дверь. Я сажусь так резко, что у меня кружится голова, и бросаю обвиняющий взгляд в сторону подруги:

– Зои? Только не говори, что ты...

– Прости, – виновато говорит она.

Подруга открывает дверь, за которой встревоженный Лоан. Лоан, которому я сказала, что не хочу сегодня встречаться: мой лучший друг ни за что не должен был увидеть меня в таком жалком состоянии. Он смотрит прямо на меня, поверх плеча Зои.

Опасаясь, он не решается войти.

– Мне можно войти? Или после твоего расставания с Эмильеном теперь все мужчины планеты подлежат истреблению?

Я грустно улыбаюсь и хлопаю по дивану. Несколько минут назад, когда я снова рыдала, я взяла на руки Мистангет: мне хотелось обнять ее, найти утешение хоть у кого-то. Но она только и делала, что вырывалась и пыталась сбежать, очевидно, не заинтересованная в моем утешении. Я выпустила ее лишь тогда, когда она меня укусила, и заплакала от этого еще сильнее. Какая же она неблагодарная!

– Ты из хороших ребят, так что тебе можно.

– Уф!

Он подходит ко мне, держа в руках пластиковый пакет. Я смотрю на него с тяжелым сердцем, и я знаю, что он это чувствует. Мы будто связаны друг с другом невидимой нитью. Нитью, по которой эхо от болящего сердца долетает до сердца второго, как волновой эффект.

– Уверена, что все будет в порядке? – спрашивает меня Зои немного обеспокоенно.

Я не успеваю кивнуть: Лоан отвечает, глядя на меня:

– Теперь этим займусь я.

Зои целует меня в макушку и уходит.

Я наблюдаю, как мой лучший друг кладет пакет рядом со мной и снимает куртку, одновременно выключая телефон. Его военный жетон покачивается на груди, когда он, наклонившись, снимает ботинки. Я спрашиваю его, почему он здесь, а не на работе.

– Когда позвонила Зои, дежурство уже закончилось.

– Ей не следовало этого делать.

Он бросает в мою сторону красноречивый взгляд, как бы говоря: «Я не дурак». Но мне все равно не хватает смелости рассказать ему об Эмильене.

– Ну что, какой у тебя план?

Он не отвечает, но кивает подбородком в сторону пакета и садится напротив меня, широко раздвинув ноги и упершись в них локтями. Я перестаю плакать и, открывая пакет, морщусь лоб. Когда я вижу, что внутри, я нервно смеюсь. Этот мужчина... Этот мужчина, дамы и господа, редчайший экземпляр.

Я высыпаю содержимое пакета на диван. Сначала друг за другом вываливаются банка «Нутеллы», шоколад «Милка» и коробка «Ферреро Роше», к ним присоединяются три новых DVD-диска. Я читаю названия: «Бриджит Джонс», «Спешите любить» и «Реальная любовь» – и от этого еще шире улыбаюсь.

Я смеюсь, Лоан же своих эмоций не показывает, как и всегда. Я знаю, что он пристально наблюдает за мной, возможно, пытаясь понять, в чем дело. Ему хочется узнать, что случилось с Эмильеном, но он не задает вопросов, и это мне в нем нравится.

По-прежнему невозмутимый, он скрещивает руки и говорит:

– Итак... Чем хочешь заняться: повтыкать иголки в яйца куклы с его лицом или заработать расстройство желудка шоколадом и глупыми фильмами о любви, которые можно критиковать всю ночь напролет?

Хоть в эту самую секунду Лоан мне не более чем друг, но я все равно завидую. Завидую Люси, которой посчастливилось найти мужчину вроде него. Нет, не мужчину вроде него – *его*. Она нашла *его*.

Пару секунд я смотрю на него, пока мои губы не расплзаются в улыбку, впервые за этот вечер.

– А у тебя есть кукла?

* * *

Не знаю, чем в данный момент занимается Эмильен, но, думаю, ему сейчас больно, потому что если и есть что-то большее, чем получить будильником по лицу, то это иголки в яичках. По крайней мере, так мне сказали.

Мы с Лоаном растянулись на диване и молча смотрим «Бриджит Джонс». Я лежу между его ног, спиной прижимаясь к его груди, и наслаждаюсь тем, как его тонкие пальцы играют с моими. Самодельная кукла, которую мы с Лоаном сделали из пары носков, валяется на журнальном столике. К месту, которое кое-как можно посчитать лицом, скотчем приклеена фото-

графия Эмильена. Тело куклы испещрено иголками: по одной в каждом глазу, две на уровне сердца и три в паховой области. Врать не буду, это успокаивает.

– О, Марк Дарси! Ты знаешь, что я влюблена в него? Смотри, какой он милашка в этом рождественском свитере...

– Да уж, очень... модный, и все такое.

Я улыбаюсь и откидываю голову ему на грудь, задирая подбородок так, чтобы мне было его видно. Через пару секунд он сдается и смотрит на меня. Наши глаза встречаются.

– По какому принципу ты выбирал фильмы? Только не говори, что ты тайный поклонник Николаса Спаркса.

– Я заскочил за шоколадом по пути домой и обратился к девушке, которая там работала. Спросил, какие легкие фильмы для депрессивных дам она может мне посоветовать...

– Эй! – вскрикиваю я, приподнимаясь на локте.

Второй раз за вечер на его лице появляется едва заметная улыбка. А нет, ложная тревога: это была гримаса!

– Должно быть, она подумала, что ты полнейший шовинист.

– Когда я думаю об этом сейчас... полагаю, это вполне возможно.

Я смеюсь и благодарю его, собираясь чмокнуть в щеку. Это простой поцелуй, и я уже сотни раз так его целовала.

Но в последний момент Лоан поворачивает голову и бесшумно ловит мои губы своими. Прикосновение длится меньше секунды, но меня всю будто прошибает током. Я замираю, пытаюсь обуздать искорки на самых кончиках пальцев. Это те же искорки, которые я увидела в его глазах в тот вечер, когда он сказал: «Счастливого Нового года, Виолетта-аромат-фиалок-лета».

Лоан тут же отшатывается. Я смотрю на него, не зная, что сказать, мои щеки розовеют, рот слегка приоткрывается. Я чувствую, как его рука сжимается на моей спине, я вижу в его глазах беспокойство, и мне становится стыдно, я даже чувствую вину. Мне хочется сказать пару слов о случившемся, хочется улыбнуться и сделать вид, будто ничего не произошло, но я не могу. В душе я кричу.

Я кричу, потому что моим губам хочется еще, потому что волосы на моих руках встают дыбом от близости его кожи и потому что я знаю, что все это неправильно. Лоан шевелит губами, собираясь что-то сказать, теми же самыми губами, которые только что случайно встретились с моими, и произносит три слова, которые я так надеялась не услышать:

– Мне очень жаль.

Я неловко киваю. В моей голове лишь четыре буквы и одно лицо: Люси. И я полагаю, что Лоан чувствует себя виноватым в тысячу раз больше.

– Не знаю, что на меня нашло, – бормочет он, подыскивая слова и теряясь. – Ты приблизилась и... это был рефлекс...

– Нет, я... я понимаю, – мямлю я, прочищая горло, – никакой неловкости.

Никакой неловкости? Серьезно? Лоан, конечно, сделал это не специально, разумеется, это был всего лишь рефлекс... Но получился-то поцелуй. Неожиданный, спонтанный, нелогичный, но поцелуй. Разумеется, это неловко. Черт возьми, я ужасная девушка.

Лоан убирает с моей спины руку, и это знак, что мне стоит отодвинуться. Я встаю и сажусь на другой конец дивана, мои руки трясутся. Черт возьми, что со мной не так? Все по классике: меня только что бросил Эмильен, и вот я уже вешаюсь на первого встречного. Зашибись!

Повисшая тишина настолько гнетущая, что мне даже страшно. Я готова забыть об этом поцелуе, лишь бы только сохранить наши отношения. Надеюсь, что он тоже.

– Мне нужно уходить, – говорит Лоан через несколько минут, – завтра рано вставать...

Я киваю и вымученно улыбаюсь. Мне ужасно стыдно перед Люси, хотя этот поцелуй ничего не значил. Она, наверное, и без того уже меня ненавидит за то, что я так часто тусуюсь с ее парнем.

Лоан откидывает плед и ловко поднимается на ноги, затем надевает куртку и ботинки. Я наблюдаю за ним и за тем, как он нервничает. Я знаю, что Лоан любит Люси, и не хочу, чтобы ему казалось, что нам следует соблюдать дистанцию. Я не смогу с этим согласиться.

Он делает шаг в мою сторону, скорее всего, чтобы пожелать доброй ночи, но в последний момент передумывает. Через несколько секунд я слышу, как он останавливается у двери:

– Виолетта!

– Да?

Мое сердце колотится как бешеное. Он хочет сделать паузу? Он хочет совсем перестать видеться? Он пристально смотрит на меня и мягко спрашивает:

– Что случилось с Эмильеном?

Сердце успокаивается от облегчения. Я стыдливо улыбаюсь.

– Я не была готова... А он оказался нетерпелив.

В тот же момент лицо Лоана напрягается, глаза темнеют, а кулаки незаметно сжимаются. Если подумать, я никогда не видела его в гневе. Не уверена, что сейчас он злится, потому что все знают, что наиболее спокойные из нас, когда их доводят, обычно просто уничтожают все, что попадает им на пути. С другой стороны, мне кажется, что ему сложно себя сдерживать.

Он ждет пару мгновений и наконец говорит:

– Попробуй поспать. Я зайду к тебе завтра.

Я киваю, но он разворачивается, не дожидаясь моего ответа, и исчезает.

7. Наши дни Виолетта

Лучше бы я слушала. Я знаю, что лучше бы мне слушать, потому что профессор говорит о нашей итоговой аттестации. Это очень важно. Но тем не менее я барабаню по экрану телефона и не обращаю на него внимания. На самом деле я рассчитываю, что Зои поделится со мной самой важной информацией. Искоса смотрю на нее, сидящую справа от меня, и вдруг обнаруживаю, что она дрыхнет.

Супер! Я пихаю ее локтем, и от этого она подпрыгивает на стуле.

– Что?

– Ты спала.

– Ну да, я знаю, что спала, поэтому и спрашиваю, зачем ты меня разбудила?

– Я рассчитывала, что ты все запишешь, – шепчу я.

Она кривится, зевая. Не могу ее в этом винить, я тоже вымоталась. Мечтаю о том, чтобы вернуться домой и смотреть «Игру престолов» до тех пор, пока больше ни о чем не смогу думать.

– А сама ты не можешь?

– Я разговариваю с Клеманом.

Мы болтаем с ним сегодня весь день без остановки. Этот парень полностью меня очаровал, это уже серьезно. Как-то вечером он сводил меня в кинотеатр под открытым небом – было просто потрясающе. Он так впечатлился моим нарядом, что не мог скрыть восхищения, а потом мы весь вечер целовались. Стыдно признаться, но я совсем не помню, о чем был фильм.

Услышав мой ответ, Зои тут же просыпается. Ее губы растягиваются в далеко не невинной улыбке, и она придвигается ко мне и спрашивает:

– Кстати, о Клемане... Как оно?

Я хмурюсь: я это предвидела.

– Все супер. Хотя нет, все даже лучше, чем просто супер!

– Ну а Красная Шапочка уже повстречалась с Волком?

Так и знала! Я раздраженно закатываю глаза и жестами велю ей говорить потише. Остальные студенты не обращают на нас внимания, но мне в любом случае хочется закончить на этом.

– Зои, ты слишком на меня давишь.

– Чем? – удивляется она.

Вдруг мне становится неловко. Я бы соврала, если бы сказала, что ни разу не думала об этом, как познакомилась с Клеманом. Я уже не ребенок, и то, что я об этом думаю, естественно. Но...

– Скажем так: в пятнадцать думаешь, что переспришь со своим парнем где-то через годик, когда все уже точно будет серьезно. Но я-то уже взрослая. А если я облажаюсь? – еле слышно говорю я.

Я сказала это очень тихо. Зои явно забавляет сказанное. Она, должно быть, считает, что я... Ладно, хорошо. Я и правда новичок.

– Ты не можешь ни в чем облажаться, Виолетта. В первый раз тебе нужно просто лечь и расслабиться. А он сделает все остальное.

Так-то да, но перспектива просто лежать в позе морской звезды меня мало привлекает.

– Угу... Но ты меня знаешь. Когда я нервничаю, все летит в тартарары...

Она громко хихикает, и студентка рядом реагирует раздраженным вздохом. Услышав ее, Зои оборачивается и извиняется, нарочито широко улыбаясь. Повернувшись обратно ко мне, она едва слышно бросает: «Сука».

– Зои, – настаиваю я, – тартарары, ты понимаешь?

– Окей, согласна, не буду спорить. Что ж, может, лучше тебе тогда не пытаться сделать ему минет в первую же ночь. Никогда не знаешь, что...

– Зои! – взвизгиваю я, ударяя ее.

– Тсс! – слышим мы справа.

Моя лучшая подруга смеется, закрывая лицо руками. Я не заставляю себя ждать и вскоре присоединяюсь к приступу неконтролируемого смеха.

– Послушай, – говорит Зои, – если ты действительно так нервничаешь... Единственное, что тебе остается, – сделать это с кем-то другим. В конце концов, именно это я тебе всегда и предлагала.

– Я уже пробовала, забыла? – напоминаю ей я, не вполне уверенная (даже совсем не уверенная), что хочу ему изменять. – Я не могу расслабиться с парнем, которого только что встретила. Вообще... не думаю, что смогу переспать с чуваком, зная, что он видит во мне лишь тело.

– Тело, на которое у него встает! – возражает Зои, поднимая палец.

Я бросаю на нее равнодушный взгляд.

– Можешь просто попросить об этом Итана. У него реально сейчас нет девушки.

Я выпячиваю губы, слыша имя своего друга. Нет, это совершенно невозможно. Он очень мне нравится, но я не могу просить его о чем-то подобном. Мы одновременно и недостаточно близки, и слишком близки. К тому же Лоан просто с ума бы сошел от злости.

Лоан...

Я прикусываю губу, мыслями возвращаясь к тому вечеру в клубе... и к нашему чувственному танцу. Естественным образом в голове всплывает тот самый вечер, когда Лоан случайно меня поцеловал. Я вспоминаю этот первый и единственный поцелуй, и мне хочется смеяться. Первые несколько дней нам было неловко, но совсем скоро мы забыли об этом инциденте.

Да, идея Зои даже хороша, но попросить о таком друга я не смогу. У меня, по сути, и нет друзей-парней, только Итан, Джейсон и Лоан. Итана сразу можно вычеркнуть: он мне как брат, а заниматься сексом с братом как-то неправильно. Джейсона я исключаю, не раздумывая, слишком боюсь, что заражусь от него сифилисом.

А что до Лоана, то это просто Лоан. Не думаю, что его вообще стоит рассматривать... А может... наоборот.

Занятие наконец заканчивается, мы с Зои идем на выход, и я заставляю себя думать о чем-то другом.

Я не стану спать с лучшим другом, это даже не обсуждается. Во-первых, я стану изменщицей, а это мой худший кошмар. Во-вторых, я прекрасно видела, к чему привела попытка моих родителей из друзей стать «кем-то большим». Свернуть на эту дорожку я не рискну ни за что на свете.

* * *

Я немного нервничаю. Это и понятно – я собираюсь встретиться с друзьями Клемана. Это же важный этап, да? Сам Клеман, кстати, сегодня выглядит просто замечательно: на нем джинсы и серый свитер с V-образным вырезом. Он тянется к звонку в квартиру своего друга Бенжамена, но вдруг останавливается.

– Тебе не о чем беспокоиться, клянусь. Ты им понравишься, Виолетта. Как же может быть иначе?

Мне бы хотелось, чтобы он сказал: если вдруг что, ему плевать на их одобрение или неодобрение. Но вместо этого он меня целует. Я не вырываюсь, когда он обнимает меня, а прижимаюсь к нему. И в моей голове тут же всплывают слова Зои! Я пытаюсь ни о чем не думать и поднимаю руки, чтобы провести по его волосам, но в последний момент Клеман уклоняется.

– Осторожнее, прическа!

– Ой, прости.

– Кстати, ты выглядишь просто восхитительно.

Я краснею, и он звонит в дверь. Нам открывает смеющийся мужчина, в руках у которого бутылки пива.

– Ты пришел!

– Как видишь, – отвечает Клеман, заходя внутрь. – Бен, это Виолетта.

Я следую за ним и смущенно улыбаюсь, видимо, Бенжамену. Он отвечает мне неопределенной ухмылкой и протягивает почти полную бутылку.

– Спасибо.

Клеман берет меня за локоть и ведет в набитую гостиную. Кажется, он тут все знает, и поэтому я послушно иду за ним. На диване в комнате нет ни одного свободного места: все занято разговаривающими парнями. Часть девушек сидит у них на коленях, остальные же танцуют под песню Канье Уэста.

Кажется, никто не обращает на нас внимания, и это в какой-то мере успокаивает.

– Иди сюда, представлю тебя остальным.

Мы проходим на кухню, к двери, ведущей на балкон, где курят две девушки и парень. Увидев Клемана, они поднимают свои бутылки в знак приветствия.

– Ну наконец! – кричит парень с кудрявыми рыжими волосами. – Где тебя черти носили?

– Я заехал за Виолеттой, – отвечает Клеман, здороваясь с ним кулак о кулак.

– Виолетта – это кто? – спрашивает девушка, которую мой парень целует в щеку.

– Это я.

Неожиданно для самой себя я автоматически напрягаюсь. Это как-то само получилось. Клеман улыбается и берет меня за руку – спасибо ему за это. Он прав, нет причин нервничать.

– Виолетта, это Арно, Нинон и Элис.

Я улыбаюсь и бормочу жалкое «привет», до которого им нет и дела. Та, кого назвали Нинон, высокая блондинка – это она спросила, кто я такая. У Элис же каштановое каре и изумительные синие глаза. Они очень симпатичные. Еще пару минут мы мерзнем на балконе, пока Клеман и Арно болтают о чем-то своем.

Я просто жду и делаю вид, что слушаю их, с трудом пытаясь не обращать внимания на перешептывания Элис и Нинон. Я знаю, что они говорят обо мне, но игнорирую это. Мне плевать, по крайней мере, пока.

Вот только спустя два добрых часа я уже устаю ходить за Клеманом по квартире и слушать, как он общается с людьми. А вишенка на торте – девчонки, которые виляют перед ним своими задницами и, присаживаясь поболтать, располагаются непременно между мной и им. Элементарно: они за ним увиваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.